

Стас Колокольников

18+

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Идолы для дебилов

рассказы

Стас Колокольников

Идолы для дебилов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67255796

SelfPub; 2023

Аннотация

Сборник рассказов 2002-20006 гг. Маргинальные герои ищут ту брешь в мире, через которую можно выбраться за пределы привычного, чтобы увидеть и понять больше, чем дозволено. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Праздничные рюмки	4
Пиво и сигареты	15
История фиолетовой любви	27
Чувства в сети	34
Идолы для дебилов	47
Твоя любовь	67
Как любят старики	92
Я на завтрак, ты на обед	102
Предвкушение классики	113

Стас Колокольников

Идолы для дебилов

Праздничные рюмки

Десять лет я пил не просыхая. Конечно, не столько, как старина Чинаски. Поменьше извергающейся мочи и блевотины. Хотя какие мои годы. Только не подумайте, что я поставил задачу переплюнуть Хэнка. Однако, как ни крути, а я дышал ему в самый затылок. Мне не было тридцати, я поглощал выпивку словно бегун последнее расстояние к финишу. На этой дистанции у каждого свой финиш, и не ты к нему приближаешься, он сам набрасывается на тебя, как на жертву.

Мои собутыльники были лузеры, подонки и разгильдяи. Каждый пил из-за разногласий с реальностью. Один сосал вино, как воду из крана, и твердил:

– Они называют это жизнью. В аду я видал такую жизнь. Я не буду участвовать в людских разборках за пригоршню говна и пепла. Лучше буду пить.

Он бухал и под руку с белой горячкой кочевал по жизни, как сатир по деревенским площадям. Но он ничего не видел вокруг себя, этот мир ничего для него не значил.

Другой говорил:

– Я раскрыл тайну огня, поэтому пью много. Мои отношения с жидкостью, обладающей внутренним огнём, непредсказуемо опасны. Теперь мир забивает этот огонь мне в глотку. А стоит перестать пить, внутри заводится саламандра, это в тысячу раз мучительнее любого похмелья.

Еще один знакомый пьяница пил исключительно ради женщин. Он становился чертовски неотразимым, как только пропускал несколько рюмок. В трезвом виде он был блекл и неприметен. Теряя трезвость, он блистал дьявольским обаянием. Женщины сдавались без боя, ложились быстрее чем перед Калигулой. Он не задумывался о причинах, а просто пользовался алкоголем, как волшебной палочкой.

Со временем собутыльники начали исчезать. Сначала тот, который раскрыл тайну огня. Потом имевший что-то против говна и пепла. Последним сгинул любитель женщин.

Знаете, многие исчезновения мира происходят между дном последнего стакана и самым темным заброшенным уголком души. Поверьте, именно в этом пространстве, сотканном из вина и одиночества, находится большинство дверей, ведущих никуда. Тот, кто прошел через десяток таких дверей, знает, что за каждой из них безжизненное зазеркалье. Главные двери мира в другом месте.

Впрочем, если вы решили всерьёз затаиться от суеты и убить время, проще способа не придумать. В год тысяча-другая бутылок и будьте уверены, вас не скоро найдут. Никто даже и не приняхается к вашему следу, любой выбросит из

головой мысль, что вы где-то рядом. Я не боялся обманывать судьбу таким способом, но и не спешил.

В первый вечер нового 2003 года я навестил Барина. Так его прозвали потому, что он любил бухать в домашнем халате. Барин открыл дверь и сурово поглядел на меня, как на пакостливое кентерберийское привидение. Я вошел и увидел, что весь дом перевернут, окно на кухне разбито.

– Ты что же это, старик, окна колотишь? – первым делом ткнул я пальцем в красный сатиновый лоскут, лежавший большой заплаткой вместо стекла.

Поморщившись, Барин досадно махнул рукой.

– Принёс выпить?

Я выставил на стол две литровых бутылки вина и усмехнулся:

– Черт возьми, не смотри на меня так, будто я тоже в этом участвовал. Я начинаю тебе завидовать. Что ты здесь делал двенадцать часов назад? Чем выставил стекло?

– Стулом.

– Хорошее начало года. Надо полагать, в этом году скучать тебе не придется. Такая примета.

– Не придется, – согласился Барин. – Верная примета.

Я открыл бутылку и наполнил стаканы.

– С Новым годом!

– С Новым годом!

Мы выпили. Барин потребовал еще.

– За что выпьем? – налил я.

– За удачу, – сказал Барин.

– Хорошо, за удачу!

В голове зашумело. Пьяно улыбаясь, я пощупал красную тряпку в окне, а Барин опять наполнил стаканы.

– Теперь за что? – Улыбка не сходила с моего лица.

– Давай еще за удачу, – Барин помрачнел, как кардинал Беллармино перед Коперником, не желавшим публично отречься от круглой Земли.

Видимо, он засомневался в том, что ему повезет. Но я решил стоять на своём:

– Нет. Пьем по третей, значит, за любовь. Где твоя жена?

– Спит, – первый раз Барин улыбнулся.

– Может, разбудим?

– Не, пусть спит. Но я согласен – за любовь.

Мы с чувством чокнулись. Выпили и закурили.

– Ты зачем окно разбил? – спросил я.

Барин мечтательно улыбнулся, но ответить не успел. Зазвонил телефон. У метро стояли друзья Барина. Они не знали, как к нему дойти.

Мы вышли на улицу встречать, выкинули битые стекла.

– Ну расскажи, зачем разбил окно, Барин? – не отступал я.

– В знак удавшейся вечеринке. Мне было так весело, что это еще пустяки по сравнению с тем, что я собирался сделать. Хорошо жена остановила, – выложил Барин. – Поэтому я просто разбил окно. Понимаешь? Выпустил пар. Могло быть и хуже.

– Понимаю. Умеешь ты провести праздничный вечер не как все.

– Послезавтра приезжает хозяйка квартиры. Ей не понравится, что на кухне вместо окна кусок дедморозовой шубы. – Барин остановился и посмотрел на меня. – Как думаешь?

– Хозяева редко ценят поступки своих квартиросъемщиков. Тем более, если те выставляют окна зимой. Придумай что-нибудь. Скажи, от соседей выпал пьяный Дед Мороз. У вас первый этаж, похоже на правду, – предложил я. – Может, это её расмешит немного.

– Ага, вариант. Еще я покрасил ванную в зелёный цвет, – вспомнил Барин.

– Тоже неплохо, – подмигнул я. – Тут главное, чтобы колер запал хозяйке в душу.

– Новая ванная ей может понравиться, – явно сомневаясь, произнес Барин.

– Кто знает, – пожал я плечами.

Барин посмотрел на вечернее московское небо без звезд и проговорил уверенно:

– А, вообще, будь, что будет, я ничего не боюсь.

Вернулись мы уже вчетвером. С нами пришла парочка – не из тех, кто грустит за рюмкой. Парикмахер Касьян и его подружка бурятка были легки и беззаботны, как бабочки в летнем саду или вернее как снежинки в новогоднем небе. Они выставили на стол еще две литровых бутылки вина. Мир закружил в веселом танце.

Проснулась жена Барина. Под глазом у неё был небольшой синячок, от которого Барин стыдливо отводил взгляд. Жена вздохнула, увидев на столе бутылки. Она старалась быть милой и гостеприимной, ничего дурного не сказала, но глядела на нас подозрительно, словно мы пришли спалить дом.

– Милая, я куплю нам новую жизнь, – пьяно улыбался Барин. – Я знаю, как это сделать. Я ничего не боюсь.

– Ты ничего не боишься, – согласилась жена. – Я знаю.

Она качала головой и заваривала чай.

От наших бутылок отлетали пробки, точно мы отстреливались.

– Трезвый я замыкаюсь, как в панцире краб! Напиваясь, делаюсь разумом слаб! – распахнув халат, орал Барин. – Есть мгновения меж трезвостью и опьянением. Это высшая правда, и я её раб!

– Это кто сказал? – висла на руке Барина бурятка, подруга Касьяна.

– Так сказал Омар Хаям! – вопил Барин. – Но я послал его к х*ям!

Мои прежние позабытые собутыльники мало походили на приверженцев высшей правды. Они пили без усталости до беспомыслия, поджидая безумие, как конечную станцию, где можно порезвиться без тормозов. В нынешней компании я чувствовал себя увереннее.

На четвертой бутылке Барин лег на пол и больше не вставал. Мы оттащили его в постель, после чего жена вежливо

попросила нас обратиться. Я зашел в ванную и поразился вызывающему зеленому цвету стен, Барин раскрасил их вдоль и поперек. Даже на потолке и унитазе были намечены неровные полосы, давая понять, что покраска в разгаре. Помочившись в раковину, я вышел.

Касьян и бурятка одевались.

– Идём с нами, – предложил Касьян.

– Куда?

– К хорошим людям.

Я часто покупался на предложение выпить с хорошим человеком и попадал в компанию, которую с удовольствием взял бы на борт разбойничий корабль. Впрочем, было наплевать, у меня не было ключей от собственного дома, вместо головы привинчен глобус, а вместо сердца навигационная карта. Я шёл туда, куда дул ветер.

Я точно знал, мы нарвёмся на пьяниц. Пусть не самых обычных, а с оригинальной придурью. От них некуда деваться. Они-то знают, что высшая правда, между трезвостью и опьянением, похожа на океан, который нужно переплыть, чтобы он навсегда остался при тебе. Но мало кто добирался дальше середины.

Кто мы, когда опускаемся на дно своего стакана? Космические бродяги? Обычные бухари? Клоуны с опухшими масками на лице? Дети, испуганные взрослением? Мы сидим и пьём, пьём и смеёмся над жизнью, смеёмся и дохнём. Смеёмся в ожидании, пока вселенная лопнет от нашего смеха. И

лопаемся первыми.

Как я и предполагал, хороший человек оказался непоседливым безобразником. Стол у него ломился от новогодних угощений. Звали безобразника Тим, он носил очки с толстыми стеклами и смеялся уголками рта, как Джокер. Подруга его тоже была буряткой.

– Может, и мне на бурятке поджениться? – спросил я у Касьяна.

– Не советую. Гусарская рулетка. Не угадаешь – свалит намертво.

– В Бурятии колдунов и духов больше чем людей, – сказал Тим. – Я прожил там месяц в дацане. Вернулся с ней, а как сошелся, не помню.

Он ткнул пальцем в свою подругу. Та грозно посмотрела на него. Джокер приподнял уголки рта.

– Дерется? – шепотом спросил я.

Тим чуть кивнул.

– Такие стекла, наверное, трудно разбить? – спросил я, когда мы выпили за знакомство.

– Просто нереально, – указал он на искореженные дужки.

– Как ты с ней справляешься.

Уголки рта приподнялись и сразу опустились.

За столом сидели еще гости. Самым неугомонным был сосед сверху – рослый детина, глотавший водку, чуть выпучивая глаза. Он затеял шашечный турнир и лез с разговорами, выясняя, кто больше знает о жизни, пока его не угомонили

шахматной доской по голове. А он как-будто этого и ждал, больше и не шолохнулся.

Пьянка была примечательна только тем, что была первой в новом году. Это наводило на мысль, что если весь год дела будут идти также, то у меня есть шанс обойти в ближайшее время Чинаски по количеству выпитых бутылок.

Под утро за столом остались Тим и я. Запивая водку красным вином и к чему-то прислушиваясь, мой собутыльник только и повторял:

– Бухать с тобой одно удовольствие. Ты молчишь и говоришь, когда нужно. Где же ты пропадал всё это время, старик? Как тебя сюда занесло?

Трудно сказать... Похожий вопрос я задал, открыв глаза и обнаружив себя под буфетом на кухне. Я лежал и слушал то ли раскаты грома, то ли подземные толчки. И не сразу понял, что это моё сердце стучит в пол. На четвереньках я добрался до праздничного стола, под ним, завернувшись в скатерть, лежали Касьян и бурятка, а рядом, как бездомная собачонка, пристроился шашист-неудачник.

– Вставайте, уже день, давайте похмелимся. – Растолкал их я.

Они с ужасом переглянулись. Касьян спрятался за бурятку.

– Как ты так долго продержался, Хэнк? – обратился я к потолку, в одиночестве закидывая в нутро стопку.

Шашист вздохнул и попросил порцию под стол. Почув-

ствовав прилив сил, он выбрался и сел напротив. Мы быстро допили бутылку, нахваливая хозяев и гостей.

– Пить с тобой одно удовольствие. Ты говоришь и молчишь, когда нужно. Оставайся до Рождества, – предложил сосед-шашист.

– У меня же поезд вечером! – вспомнил я.

– Эх, – сложил голову на стол сосед.

Тим так и не вышел из комнаты, очки валялись в коридоре.

– Прощайте, хорошие люди, – бормотал я, кое-как одеваюсь. – Мне будет вас не хватать.

– Ты вернёшься? – спрашивал сосед-шашист уже из-под стола.

– Возможно, года через три-четыре.

Пошатываясь, я вышел из подъезда. Остановился и чихнул. От свежести нового года свербело в носу. Я чихнул еще и почему-то вспомнил про художника Мориса Утрилло. Я слышал, что парень выпивал каждый божий день и рисовал ту часть Парижа, которая была под рукой.

Приближались сумерки. Дали бы мне кисть и краски, я бы тоже запечатлел нереально призрачной воздух и розовое небо за новостройками. Там витал дух безумной ясности хронического алкоголизма.

Мир слезился по моим глазам. И чтобы продолжить пить, надо было стать живым. Да, нужно быть полным жизни, если хочешь как следует напиться. Что хорошего в отутюжен-

ной рубашке, если она одета на мертвеца? Она тоже мертва и холодна. Что таит вино, которое вливается в безжизненное горло? Это просто машинное масло, дешевая смазка. Никакой души, одна механика. Хочешь плыть по морю Бахуса и выйти сухим, выбирай праздничные рюмки.

Пиво и сигареты

Открыв глаза, я долго не мог понять, где нахожусь. Мерзкий вкус во рту и тяжелая голова. Я осмотрелся. Стол и пол вокруг завалены пивными бутылками и окурками. Я брезгливо поморщился. Ну да, это же моя квартирка.

Открыв форточку, проветривая, я начал прибираться к приходу учителя. В одной из бутылок булькнула мутная жидкость. Меня мучила жажда. Выругавшись, я хлебнул выдохшееся пойло. Пошарил в куче мусора, нашел крепкий бычок и закурил.

К приходу учителя в доме, на мой взгляд, было относительно чисто. Только он вошел, как сразу скептически меня осмотрел и сказал:

– Я же говорил тебе, никаких пива и сигарет. Говорил?

– Конечно, говорили, учитель, – я уныло кивнул, опустив голову, не выдержав прямого смеющегося взгляда.

– А ты?

Я пожал плечами. Учитель тоже пожал плечами и развернулся, чтобы уйти.

– Учитель, – позвал я,

Он остановился.

– Что мне делать теперь?

– То же самое. Никакого пива и сигарет. Я приду через месяц.

– И я смогу сваливать отсюда? Сразу?

– Посмотрим. Ты сам-то веришь, что это возможно?

– Верю. Я продержался почти месяц. А вчера было недо-
разумение, встретил друга, не виделись пять лет.

Учитель никак не отреагировал и ушел, словно его и не было. Настроение испортилось. Теперь еще месяц ждать. А так надоело здесь. Вчера как наваждение – увидел товарища и обо всем позабыл.

Я вышел во двор выкинуть мусор, заглянул в соседнюю продуктовую лавку. Вспомнил, что пиво и сигареты не нужны. Но хозяин уже увидел меня и выставил привычные четыре бутылки пива и пачку сигарет.

– Я забыл деньги дома, – соврал я и развернулся уйти.

– Постоянным клиентам отпускаем в долг. Тебе после вчерашнего без этого никак.

– Сколько раз мы вчера приходили?

– Раз пять точно. Бери.

Сказано было так дружелюбно, что я не удержался, взял пиво и сигареты. Дома я убрал бутылки с глаз подальше в холодильник и стал искать, чего бы поесть. Попадалась только какая-то дрянь, сплошная закуска к пиву: сушеная рыбка, кальмары, сухарики, чипсы.

– Где в моем доме настоящая жратва? – спрашивал я у них, складывая в кучу.

Нашлось немного чечевицы. Пока она готовилась, меня мучила жажда. Когда похлебка сварилась, я сказал:

– Он придет через месяц, а у меня куча дурацкой закуски. Выбрасывать жалко. А что он скажет, увидев её. Начну отсчет с завтра.

И открыл пиво. На третьей бутылке я почувствовал облегчение и закурил.

– Вот и отлично, – подмигнул я пустым посудинам, – теперь всё едино.

Допив четвертую, я швырнул её в угол, крикнув вдогонку:

– Мне всё нипочем! Так и передай остальным!

На следующий вечер я сидел в окружении двух подружек, нескольких упаковок пива и игриво рассуждал:

– Это мир пива и сигарет и всего такого на них похожего. Мне хорошо знаком этот вкус добровольной смерти. Если вам нечего делать в лучшей жизни, то хлебайте больше и затягивайтесь глубже.

– Ты умеешь сказать, – глотнув из банки, произнесла одна из подружек.

– К чему эта болтовня, – закурив, недовольно проговорила другая.

Через неделю я шел по делам. Организм отдыхал от никотиновых смол и дешевой дрожжевой жижи. Мне было легко и весело, хотелось петь. Что я и делал – поблизости никого не было.

– Хватит базлать. – Услышал я добродушный голос, когда, напевая, пересекал безлюдный двор.

– Учитель? – Остановился я.

– Ха-ха, узнаю брата Колю, – засмеялся голос откуда-то сверху. – Вот он хомо дельфинус, человек будущего!

– Учитель! – обрадовался я.

Поднял голову и увидел знакомого гитариста Антонова. Он стоял у открытого окна второго этажа и меланхолично дымил сигаретой. Равнодушный к морали и принципам Антонов проводил дни за терзанием гитары и интересовался только ей, пользуясь, как женщиной, которая влюблена и отдаётся без остатка.

– Заходи, – сказал Антонов.

– У тебя там, наверное, пиво и сигареты? – спросил я.

– Не до того. Я клею обои.

– С чего это?

– Заходи, узнаешь.

– И ты не предложишь мне пива?

– Нет.

Я направился к подъезду.

– Случайно попал в строительную лавку, – с порога начал Антонов. – Купил новые струны, пошел за пивом, задумался и ошибся дверью. Мне сразу приглянулись обои в китайском стиле. Хватило на три рулона.

– И где ты их клеишь?

– Проходи на кухню.

Кухня была обклеена наполовину, но смотрелось неплохо.

– Отлично, – подбодрил я. – Лодки, плывущие по Хуанхэ, как раз то, чего здесь не хватало.

– Может, и коридор обклеить?

– Конечно.

– А чем?

– Есть обои под струганное дерево, будет как забор, а сверху подсолнухи, – предложил я. – Получится свой дворик, засажённый подсолнухами.

– Хорошая идея, – согласился Антонов.

Мы помолчали. Посмотрели в окно.

– Как будто чего-то не хватает? – заметил Антонов.

– Пива и сигарет, – пошутил я.

– Возможно.

– Но нам этого не нужно, – покачал я головой.

– Да уж.

Антонов закурил.

– А все-таки ты молодец, обклеил кухню, – устав от молчания, произнёс я. – Дальше пойдет веселее.

– Хватит об этом.

– Почему? Новые обои – новая жизнь.

– Перестань.

– Не сомневайся.

– Иди ты, – расстроился Антонов.

– Правильный выбор, – гнул я свою линию.

– При чем здесь выбор? Я просто ошибся дверью.

– Удача на твоей стороне. Вместо пива обои взял. Повезло.

– Какая чушь, – поморщился Антонов. – После такой бол-

товни кому угодно захочется пива.

– Ты прав, мне уже захотелось.

Через полчаса мы сидели в скверике за домом, дули из пластиковых стаканов разливное пиво и дымили сигаретами.

– Неплохо вот так иногда проводить время за кружкой пива и сигаретой со старыми друзьями, – подбодрил я задумавшегося Антонова.

– Неплохо, – согласился он.

– Но новые обои лучше.

– Тьфу ты, – плюнул Антонов. – Дались тебе эти обои.

Заткнись, а.

Я прикрыл ладошкой рот. Потом убрал её и глотнул пива.

Антонов нахмурился. Неожиданно он резко встал и уверенно сказал:

– Знаю я, где взять деньги на подсолнухи.

И ушел.

Следующим вечером я лежал в полумраке у открытого окна. Летом легко поджидать утро. Вечер незаметно нагоняет ночь, и вскоре наступает рассвет. Я лежал долго и никак не мог уснуть, всё думал об учителе. Как ему удавалось быть всюду, я не знал. Я бы тоже хотел посидеть утром на набережной Пондичерри у Бенгальского залива, найти выброшенные на берег деньги, а вечером мотнуть в горы Алтая.

Под окном кто-то зашептался:

– Вон, видишь, открытое окно? Может, залезем туда?

– Там живет бухарь. Всё, что мы найдем там, это кучу пу-

стых бутылок.

– Может, он в завязке и купил себе телевизор.

Я пошарил рукой возле кровати, нащупал бутылку и бросил её в окно. Она разбилась, и кто-то испуганно выругался:

– Я же тебе говорил!

В полдень я вышел из дома с твердым намерением навсегда отказаться от пива и сигарет. Я не хотел ни того, ни другого. Я обошел пол города, сделал всё задуманное, моё намерение не пить было таким твердым, что к вечеру сделалось скучно. Борясь со скукой, я напился кефира и до утра мучился слабостью в желудке.

Спускаясь в ночной клуб, я помнил, что продержался без пива девять дней. Меня пригласили друзья музыканты, они готовились к выступлению. Стол был уставлен пивом и пельницами. Я брезгливо поморщился. Все кругом накачивались и курили. Разговор с друзьями не клеился, я нервно закурил. Потом, задумавшись, хлебнул пива.

– Блин! – выругался я, заметив, что сию с пивом и сигаретой. – Что здесь происходит? Я курю и пью пиво!

– Давай, давай. Не стесняйся, – поддержали друзья, расчехляя инструменты. – Мы сейчас дадим жару.

Через два дня я вернулся домой желтый от пива и сигарет. Несколько дней я не высывался из дома,пил зеленый чай, квас и молоко. Потом пошел за продуктами и встретил старого дружка.

– Чем занимаешься? – спросил он.

– Ничем. А ты?

– Поставил звуковую карту на комп. Сажу дома, пишу песни.

– Круто, молодец, делом занят. Не пьешь?

– Нет. Мешает. Хочешь записаться? Ты, вроде, раньше что-то там пел, сочинял.

– Да, хотелось бы попробовать. Помню, в юности мечтал о карьере рок-звезды. В пятницу был на концерте в клубе. Я тоже так могу на сцене чудить.

– Пошли ко мне, попробуем на что ты способен.

– Только никакого пива.

– К чему оно нам.

Мы пришли к другу. Я спел по-английски о прогулке вниз по улице в легком подпитии.

– Как песня называется? – спросил друг.

– Даун зе стрит сонг. Посвящается моей никчемной жизни.

– Давай еще разок.

Сделали с десяток дублей. Голос у меня подсел.

– Без выпивки не идет, – проговорил приятель и закурил.

– Ты же обещал, – взмолился я.

– Да, да, я обещал, – кивнул приятель и достал из холодильника початую бутылку водки. – Водка не пиво, давай для куража.

После третьей рюмки процесс пошел бодрее, к утру песня была готова.

– Неплохо, – сказал приятель, прослушав материал.

Он еще пару раз одобрительно качнул головой, глядя на меня, и уснул с недокуренной сигаретой. Выспавшись, мы похмелились, выкурили по сигарете и разошлись. Два дня у меня болело сердце, я был сам не свой.

Когда в дверь постучал учитель, дом был вылизан, как корабль во время штиля.

– Здравствуй, учитель, – жизнерадостно улыбался я.

Чувствовал я себя хорошо.

– Привет. Сколько ты без пива и сигарет? – сразу перешел к делу учитель.

– Неделя и четыре дня.

– Неплохо, – сказал учитель и крепко пожал мне руку.

– В чем дело? – не понял я. – Теперь можно пить пиво и курить сигареты?

– Теперь тебе нужно, по меньшей мере, полгода торчать здесь без пива и сигарет.

– Полгода?! – расстроился я.

– Да, полгода, не меньше. А если опять нахлебаешься, то и больше.

– Нет, только не это! – испугался я.

– Ты сам делаешь выбор. Пиво и сигареты или...

– Никакого или! – перебил я. – Я так больше не могу! Забери меня отсюда! Иначе я сойду с ума! Я ненавижу пиво и сигареты! Они сами в меня лезут, как к себе домой!

– Выбор делаешь ты, – учитель повернулся к выходу.

– Э, нет, постой, – схватил я его за руку, – это не я делаю выбор, это они меня выбирают.

Учитель поморщился от моих слов, как будто я схватил его не за руку, а за яйца.

– Если ты будешь и дальше так думать, мы не скоро увидимся.

– Стоять! – я преградил выход. – Мне терять нечего!

– Чего ты хочешь? – спокойно спросил учитель.

– Пойдем, выпьем пивка, а.

Мы сидели в моем дворе на перекошенной лавочке и пили пиво. Учитель делал большие глотки и пускал дым колечками.

– И чем тебе здесь не нравится? – спрашивал он. – Пей себе пиво, кури сигареты. В чем проблема?

– Я хотел бы делать это в другом месте. Здесь всё как-то бессмысленно. Тем более без пива и сигарет. Еще надо работу искать, я много задолжал за квартиру.

– В другом месте может и не быть пива и сигарет.

– Что же делать? У меня такое ощущение, что я закончу свои дни, сжимая недопитую бутылку пива и тлеющую сигарету.

– Всяко может быть.

– А как же ты? Как ты держался без пива и сигарет?

– Я не люблю пиво и сигареты.

– И я не люблю! – заорал я. – Мне больше нравится вино и шишки!

Учитель с интересом посмотрел на меня и засмеялся:

– Кажется, ты не в себе. Тебе, и правда, надо отсюда сваливать.

– Но как?

– Не пей пиво и не кури сигарет, – посоветовал учитель.

– О! – завопил я. – Зачем ты издеваешься надо мной?

– И нервы у тебя ни к черту, – посочувствовал учитель. –

Видишь, до чего тебя довели пиво и сигареты.

Я сжал кулаки, но сдержался. Допил пиво.

– Пойдем, отольем, – предложил я.

– Ты иди, а тебя здесь подожду, – улыбнулся учитель.

Когда я вернулся, на лавочке никого не было. Со всей дури я пнул пустую бутылку, и она разлетелась вдребезги, врезавшись в стену дома.

Из окна выглянула соседка:

– Опять нажрался, козёл! Иди домой проспись, а то милицию вызову!

Я вышел со двора. Летний выходной день был в разгаре. Мимо прошли подростки, они курили и пили пиво на ходу. Недалеко на лавочке сидели две молодые женщины, они жеманно затягивались тонкими сигаретами и делали осторожные глотки из маленьких пивных бутылочек. Из магазина выполз потрепанный старикан с трехлитровой пластиковой баклахой дешевого пива, он довольный дул в папиросу.

А с перекрестка мне махала подруга, с которой я недавно закрутил приятный роман без истерик. Она шла ко мне и

расцветала.

– Привет, малыш! – обрадовалась она и нежно поцеловала в небритую щеку. – Какой денёк! Может, прогуляемся в парке и выпьем по бутылочке холодного пива?

Я мило улыбнулся и подмигнул. Через дорогу от нас стоял бронзовый памятник известному мужику в кепке. Одной рукой он откинул полу пиджака, а другую держал в странном неприличном жесте. Какой-то умник вставил ему туда пивную банку. А в руке, которую мужик держал за спиной, я так полагал, была припрятана зажженная сигарета.

История фиолетовой любви

Её сердца нужно было добиваться семь лет. Я протянул четыре года и выдохся, почувствовав смертельную усталость и несправедливость. Плача, прокричал в вечность молитву любви, и мне в качестве замены устроили встречу с другой женщиной.

Всё бы ничего. Да только женщина эта была что-то вроде андроида. Она вытворяла с собой такое, обычное человеческое тело развалилось бы, как ступень ракеты в плотных слоях атмосферы, а ей хоть бы хны. Я смог бы и с андроидом жить, перетерпел бы как-нибудь, но она была очень пьющий андроид.

Я и сам не дурак к бутылке приложиться, а тут и вовсе слетел с катушек. На пару мы пили на износ – дни, недели, месяцы. С новой женщиной-андроидом я чувствовал себя верхом на комете, летевшей в черную дыру.

Я улетал всё дальше и дальше. Безвозвратно. И всё же к той, которую добивался чуть больше четырёх лет, тоже захаживал. Так просто, как старый приятель.

– Что редко заходишь? – спрашивала она.

«Ну и дура ты! Ты же сердце моё разбила! Навсегда! Это из-за тебя я сейчас живу с пьющим андроидом! Живу на пороховой бочке с тлеющим фитилем! Представляешь, каково мне?! – хотелось орать мне каждый раз. Но вслух выражался

иначе:

– Всё сложно, я переступаю порог твоего дома и попадаю в рай. А выхожу обратно, там ад. И меня начинает трясти, словно я насмотрелся на газосварку. От мысли, что тебя не будет рядом, сердце стягивает жгутом. Как можно терпеть такие муки часто?

Она смотрела на меня, как конченого кретина, и ничего не говорила. Видимо, объяснение казалось ей не убедительным.

– Ты не теряйся, – улыбалась она на прощание, махая загорелой ручкой. – Я на днях опять в Венецию еду. Привезу вина, заходи, выпьем.

А я и не терялся. С чего мне теряться? Я жил с женщиной-андроидом. Меня носило, как на качелях. Она через день выносила мозг пьяными выходками. Когда мы были вместе, нас словно черти на сковороде поджаривали. Если я сбегал куда-нибудь, то всё вокруг, на земле и на небе, вопило:

– Эх ты, парень! Потерпел бы еще три годика и был бы самым счастливым человеком! А теперь живи, как знаешь!

Но я старался ни о чем не жалеть, держался молодцом. Только иногда хотелось кого-нибудь придушить или отравить. Самыми печальными были моменты, когда я сам был не прочь отравиться или петлю на шею накинуть.

А потом я прикинул вот чего. В мире часто встречаются люди похожие друг на друга, как две капли воды. Они не подозревают о существовании близнеца. К примеру, в Питере

я познакомился с художником по имени Макс. А в Барнауле, за четыре тысячи километров от него, я уже знал Петю – вылитого внешне, с теми же повадками и голосом. И был он не художник, а музыкант, и в тюрьме три года отсидел за наркотики. Похожие как близнецы, они не догадывались о существовании друг от друга. Таких примеров немало. Природа давно занимается клонированием.

Так вот я начал склоняться к мысли, что где-то живёт женщина – копия той, которой нужно было добиваться семь лет. Именно та неизвестная женщина и предназначена мне судьбой. А я по ошибке запал на двойника, и всё пошло наперекосяк. Вот от этой мысли я и начал окончательно сходить с ума. С утра встаю и думаю: «Где же её искать, сколько тысяч километров и лет надо преодолеть?»

Женщина-андроид, присланная из космоса, умевшая перевоплощаться в разные формы земной жизни, первая заметила во мне изменения и стала обвинять:

– От тебя уже никакого толка! Ты даже е*аться разучился!

Но я не обращал на нее внимания, меня было не остановить. Если бы можно было воспользоваться заклинанием или молитвой, было бы проще. А так я маялся, полагая, что какой-то мой предок, обесчестил женщину, и та наслала проклятье на него и на потомков в десятом колене. Хотя, может, я и сам кому нагадил в прошлой жизни, не помню.

В общем, я убедил себя, что издыхаю от нехватки любви. А её много не бывает. Говорю вам, если однажды утром кто-

то не проснется, то только потому, что ему перекрыли доступ к любви.

Идея найти ту вторую женщину чуть не проела мою голову, я даже подумывал, не заручиться ли поддержкой потомственной ясновидящей из случайной рекламы в интернете. Ясновидящая Тамара так посмотрела с экрана, что меня аж передернуло. Уж она-то сможет помочь, сказав я себе. Но потом решил, что такой помощник ни к чему. Лучше опять начну понемногу волочиться за той, которую не добился.

Пришёл я к ней на день святого Валентина, принес плюшевое сердце, шоколад с миндалем и коротенький стишок о любви. Я вообще стихов не писал, а тут подумал: может, пора начать, глядишь, пригодится. Ну и что смог накарябал.

Она встретил меня на пороге с котом на руках. У животного вид безумней некуда. И она сама вся бледная, глаза воспалённые.

– Вы чего? – спросил я. – Умер кто?

– Я своему коту яйца отрезала.

Конечно, она не так сказала, а несколько двусмысленно. Мол, была у ветеринара, чик – и мой кот теперь не мужчина. Но я услышал именно это:

– Я своему коту яйца отрезала.

– Ты с ума сошла! – возмутился я. – Это живое существо, и кот к тому же! Как он теперь без яиц!

– Ничего переживет, зато углы метить не будет.

– И ради этого ты ему яйца отрезала?!

– Да. Так спокойнее будет и ему, и мне.

– Ясно всё с тобой, – покачал я головой. – На вот тебе шоколад.

А мне и вправду всё стало ясно. Прихожу отметить день всех влюбленных, а меня встречают кастрированным котом. Чего уж тут неясного? Тут и без Тамары можно разобраться.

– А я не ем шоколад, – сказала она. – Правда, не ем. Там очень много калорий.

– Совсем не ешь?

– Ну, съем кусочек с чаем, – сказала она и так посмотрела, словно сделала огромное одолжение.

– Кхм, тогда вот тебе сердце из груди, – смутившись, невнятно проговорил я и достал из нагрудного кармана алое мягкое сердце.

– Откуда? Из Грузии? – не поняла она.

– Из груди, – обиделся я.

А сам подумал, стоит ли стих отдавать. Вдруг она еще чего-нибудь скажет. Не общение получается, а глухой телефон.

– Вот, держи, – все-таки достал я свернутый в трубку и обернутый лентой лист бумаги. – С утра специально для этого дня сочинил. Только ты его потом прочти, когда я уйду.

Я так сказал потому, что стих, если по-честному, не очень вышел. Я как написал, сразу подумал – так сочинять нельзя:

У той любви, что знают люди,

В глазах горит звезда разлуки.

Не знаем мы, когда не любим,

Какие причиняем муки.

*А та любовь, и сердце знает,
Где нам вселенных не хватает,
Другим принадлежит планетам
И нам мигает дальним светом.*

Что и толковать, плохонько вышло, сопливо и невкусно. Не говоря уж о том, что три раза повторяется: «знают», «знаем», «знает». Хотя никто ничего не знает. Какого черта я, вообще, его написал, ну прямо как школьник на праздничной открытке к восьмому марта.

Но я старался, ей богу, выразить свои чувства. И выразил, как мог. Можно было у другого автора взять, кто поинтереснее пишет. Только я подумал, что так будет оригинальнее и, может, как-то тронет её. А как увидел кота без яиц, так сразу и понял – мою любовь здесь тоже кастрировали, и она теперь так и будет ходить обрезанная. Всё прахом пошло.

– Ну ладно, – вздохнул я и попрощался: – Пока. Пойду я.

– Пока, – сказала она, глядя сквозь меня.

Я кисло улыбнулся и вышел.

Брел я по улице, а внутри так противно и грустно, что кишки от слабости на сердце наматывало. И еще кастрированный кот с ошалевшими шарами перед глазами стоял, точно моё отражение.

Зашел я в аптеку, купил настойки послабее, чтобы на травах и успокаивала. Пиона, кажется, или овса. И прямо там же весь пузырек и сглотнул.

И, вроде, успокоился, лучше стало. Я даже аптекарше подмигнул. Мол, не дрейф, фармацевт, прорвемся. И откусанным гематогеном ей помахал.

– Мужчина, вам здесь не закусочная, – сказала она с неприязнью.

Ну я и ушел.

На улице потеплело. Снег повалил. Я стоял у подземного перехода и курил сигарету. И вдруг глянул на проезжавший мимо троллейбус. А там за окном женщина лицом похожая на ту, от которой я только что вышел. И она так посмотрела на меня, словно не видела тысячу лет, и никак не может узнать. Меня даже парализовала на время от её взгляда. Вот оно видение другой счастливой жизни! Вот она та, которую я искал!

Я бросился следом за троллейбусом, трагично вытянув руки вперед. Сделал всего шагов пять, поскользнулся и упал. И так ударился затылком об лёд – чудом что не насмерть. У меня даже в глазах потемнело, и круги пошли тёмно-фиолетовые с искорками.

Долго я лежал и ждал, пока меня добьют. Ведь нельзя жить с таким хроническим невезением в любви. Как дальше жить, когда мимо собственное счастье проплывает? И на чём? На старом безмозглom троллейбусе.

Но никто меня добивать не стал. Не нужен я никому. Полежал я, поднялся и пошёл себе дальше. Только и подумал – если ещё пару лет так протяну, и то хорошо.

Чувства в сети

Толя сидел в квартире у друзей и маялся. Друзья уехали в Питер, а его оставили кормить недавно разродившуюся кошку и приглядывать за её семейкой. Настроение было так себе. Толю уволили с работы за прогулы, он расстался с подругой, шатался без жилья по знакомым и экономил даже на еде. Сейчас он сидел в тепле и вспоминал, как в августе уехал с Ритой в Крым, позабыв про всё. Влюбился без памяти. Было наплевать, что через три дня сдаётся очередной номер газеты, что главный редактор будет в бешенстве, что накопленные долги утянут на дно. Так и получилось. Толя вернулся один, без денег, на его место уже взяли другого. В Гурзуфе Рита встретила своего бывшего, ночью Толя, приревновав, закатил скандал, психанул и уехал. По дороге потерял документы и деньги.

На улице завывал октябрьский ветер. В доме было тихо, кошка и котята спали. Толя искал в интернете жизнеописание Гираута де Борнеля, его тянуло на печальные и возвышенные истории о любви. В тот момент, когда он позавидовал всем прованским трубадурам и вагантам, выскочила реклама сайта знакомств. Увидев фото симпатичных дамочек, Толя понял, что хочет немедленно завести виртуальное знакомство и скоротать холодный вечер за перепиской.

Он быстро зарегистрировался и стал перебирать фото-

графии. Вскоре его привлекла женщина, стоявшая вечером на необычном светящемся мосту. Толя стал изучать её профиль. Это был мост Джеймса Джойса в Дублине. Женщина была шикарная, в золотистом открытом платье, звали её Vilde, 27 лет. В статусе: «Ищу жизнерадостного парня для долгих отношений».

«Ого, – почувствовал возбуждение Толя. – Так-то я жизнерадостный, последнее время только подкис. Но это от несчастной любви. Пора что-то менять».

И он взялся за дело.

Анатолий 0:18

*Привет... Ты правда ищешь парня?! Они, наверное, ста-
ями вокруг тебя вьются и штабелями ложатся. Ты очень
красивая. Ты была в Дублине? Я тоже хотел побывать
в Ирландии. Я так уважаю Джойса и Свифта, Rogues,
Cranberries и U2. А ты что читаешь и слушаешь?*

Vilde не заходила с прошлого дня. Толя пересмотрел тех, кто был на сайте в это время, поморщился – Vilde была лучшей; и вернулся к ней на страницу. Подумал и приписал.

Анатолий 1:02

*Да, и вот еще что, принцесса, я ведь и сам писатель и му-
зыкант. Что? Не веришь? Ты сначала прочти и послушай, а
потом говори: «нет!» Впрочем, говори всё, что угодно, толь-
ко говори... Где же ты?*

Толе писали какие-то некрасивые, старше его, женщины, спрашивали, как дела и сколько он зарабатывает. Толя от-

бояривался, как мог, шутил и плел небылицы. Он уже стал клевать носом, как появилось новое сообщение.

Vilte 3:22

ja I seychas v Dubline.. no ja ne irlandka, ja litovka... tak dela to kak ?

Толя еще раз глянул на фото, и у него чуть слюнки не потекли. Он сглотнул и написал.

Анатолий 3:37

Ну не ирландка, и бог с ним. Дела? Знаешь, в общем, неплохо... Только не спится что-то.

Vilte 3:42

da ni tolko tebe .... cem zanimaeshsja? pises?

«Пишу, черт подери, – подумал Толя, – еще как пишу».

Анатолий 3:44

Честно сказать, расстроила ты меня тем, что так далеко. Я думал, поближе.. Хотя неважно. Все равно, завидую тебе. Я бы погулял по Дублину в середине июня. Чем ты там занимаешься? Хочется узнать, что у тебя на уме, моя неожиданная? Уж и не чаял, что спшиемся сегодня) Уверен, что мысли твои такие же красивые, как ты))

Vilte 3:49

ja zivu i rabotaju v irlandii, hotya sama s litvi. a pro sto pisis? naprimer mne ruskie detektyvi nnavyatsa.

Анатолий 3:53

Эх, расходимся мы во вкусах.. русские детективы мне, пардон, совсем не нравятся. Ты еще скажи, что дамские ро-

маны читаешь. Про что я пишу? Одна моя книга называется «Эстетика бродяг», другая «Удивительное свойство моряков жить под водой». Вот и угадай с трех раз, о чем пишу)))

Vilte 4:04

a izdal sto, ili tolko dlja sebja pises?

Анатолий 4:07

Издal о моряках книгу, красивая такая получилась, с картинками. Художник знакомый рисовал. А я в литературном институте в Москве учусь и в газете редактором работаю.

«Работал», – с грустью подумал Толя и вспомнил Риту.

Vilte 4:21

prislios?

Анатолий 4:26

Книгу то? ага, пришло. А ты кем работаешь в тех славных местах? И такие ли они славные для тебя? Я всегда мечтал побывать в Ирландии и на Мадагаскаре. Кстати! В Дублине живет один знакомый, уличный музыкант, зовут Лойк. Правда, может, уже переехал. Мы с ним здесь познакомились. Он приезжал в прошлом году с друзьями из Берлина, мы ездили в Горный Алтай. Я сам родом оттуда.

Vilte 4:29

posemu slavnih? holodno zdes... tolko vot rabota derjit. posle novovo goda, esli vsjo s vizoj horoso budet poedu v ameriku, v maiami, tam teplo, vot tam tak slavnie mesta.

Анатолий 4:32

Да, в Майами, наверное, славно... вообще, я тоже больше теплое море люблю.. а славные, потому что... ну, я думал там еще эльфы водятся) разве нет?

Vilte 4:35

nee, tolko gremlini...:))))

Анатолий 4:38

А я прошлым летом на Алтае в берлогу к медведю заглянул. Его, конечно, там не оказалось, лето все-таки.. но я постарел от страха года на два))

«Хватит, – вдруг решил Толя, – что за чушь я несу. Что со мной? Время пять утра, а я брежу о каких-то медведях».

Кошка вздохнула о чем-то во сне.

Анатолий 4:44

Ну, ладно, бывай, жительница далекой холодной земли. Пора мне и честь знать, а то в голове сплошные гремлины...

Vilte 4:46

sto spat idjos, ostavljaes bednuju devusku odnu?

«Ага, – подумал Толя, – клюнула красотка». Он опять глянул на её фотографии, их было всего две, на второй в том же платье Вилте возлежала на дорогом кожаном диване. Её лицо было томным, Толя представил, как оно погрузнело от мысли, что он выходит из игры.

Анатолий 4:47

Нет, не оставляю. я подумал, что это тебе хочется поспать..

Vilte 4:48

mne nelza, ya na rabote

Анатолий 4:49

Ты что ночной сторож? ;))

Vilte 4:51

rosti, tolko ja prismatrivaju za storozami....

Анатолий 4:53

Неплохо ты устроилась.. а вам еще сторожа не нужны, молодые писатели?

Vilte 4:56

da, zdes točno možno pisat. sidim cetverom, pacany v karty igrajuť, a ja vot s toboj boltaju, tak kak v karty mne ne ocen.

Анатолий 5:00

Ха-ха, веселенькая у вас компания! у меня прямо воображение разыгралось при мысли ради чего вы там собрались.. я так полагаю, это секретно..тсс

Vilte 5:04

da sekret :) da hospital eto, tolko casnij i ocen malenkij

Анатолий 5:08

Всего лишь госпиталь:(а я уж представил тебя, охраняющую секретную ирландскую лабораторию, под окном притаился китайский шпион с биноклем. И холодный дублинский ветер завывает так, что мурашки по коже.. Сколько еще твоя смена? И вообще, который час ночи в Дублине?

Минут десять Толя смотрел в экран, представляя, как ходит по Дублину, по мосту Джеймса Джойса. Под руку он дер-

жал красотку Вилте, в карманах у него фляжка с Bushmills и пачка презервативов.

Анатолий 5:19

Ну вот, пропала! :(((Подожду минут двадцать, и если не будет вестей из Ирландии, с чистой совестью пойду спать.

Vilte 5:22

scas 02.22, a ja zakancivaju tolko v 08.00, tak sto spat tebe vidimo ne pridjotsa))

Анатолий 5:26

Хо-хо! я, кстати, тоже почти на службе. Мой друг музыкант уехал с женой в Питер играть концерт, а меня оставили кормить кошку, которая недавно родила трех черненьких котят. Я, вроде как, тоже в госпитале, только в кошачьем..

Vilte 5:27

a kotjat grudju kormish?:)

Анатолий 5:29

Ну уж дудки! их маманя ест за четверых, пусть сама и кормит.

Vilte 5:31

romosc puzna?

Анатолий 5:34

Хм, ну нужна. Расскажи мне, как ты наострилась одолевать сон, что ни разу на посту не уснула?

Vilte 5:37

tak posti vseгда splju, tolko vot sevodnja est cem zanjatsa,

kokojto interesniy molodoj celovek...))

«Какой-то интересный молодой человек! – у Толи даже спина выпрямилась. – И многоточие! И смайлики! Надо полагать, я на полпути к Дублину! Да! Клёво!»

Анатолий 5:41

У меня похожая история)) Слушай, а что у тебя за имя такое странное?

Vilte 5:41

obicnoe litovskoe imya

Анатолий 5:42

Красивое

Vilte 5:49

cevoto malo razgovorcevyj stal, spat zahotelos?

Анатолий 5:50

Да я вот подумал, может, скоро мысли на расстоянии будем передавать, и интернет не нужен будет, будем обмениваться мыслями и дремать заодно)

Vilte 5:53

ni mozet poprobovat..

5:53

Не, будем пробовать на свежую голову :) спать-то оно, конечно, хочется.. но что-то мне подсказывает, что можно еще и не поспать.. только вот не весь организм с этим согласился..

Vilte 5:55

a imeno kotoraja cast protiv? mezdju n...?)

Анатолий 5:57

Я про глаза, они то закрываются, то открываются. А что такое между н...? пардон)

Vilte 5:59

ни из точно сто не nos...

«Какая молодец эта Вилте, – подумал Толя, – уже тем, что у меня между ног интересуется. Маза в Дублин смотреть становится совсем реальной. Надо продолжать подкатывать».

Анатолий 6:01

Ну, вот видишь, у меня еще и мозг отупел к шести утра... мне бы бутылочку сухого вина испанского или чилийского, я бы еще долго продержался.

Vilte 6:05

ugostila bi, no doleko kakto yi ...

Анатолий 6:07

Да ... далеко(Пойду, яблоко съем... Слушай, а ты в Москве-то бываешь?

Vilte 6:08

net, v rosii tolko v pitere, i to malenkaja kogda bila

Анатолий 6:12

Жаль, это у нас с тобой шанс увидеться есть только в следующей жизни... я на сайте знакомств редко бываю, так что-то накатило.. в соцсетях тебя найти?

Vilte 6:13

a telefon?

Телефон... Толя почесал голову, представил нежный голос Вилте, своё смущение. Подумал: «Если не дать, обидится, наверное».

Vilte 6:18

usnul?

Анатолий 6:19

89057559763

Vilte 6:19

ni spokojnoj noci ...

Анатолий 6:20

Ты куда?! Позвонишь? Я буду ждать.. Подремлю пока у монитора..

Vilte 6:23

tolko ocen ne zasipa, ja tolko pokusat idu, dozdiosia, priz polucish...

«Что еще за приз, – обрадовался Толя. – Может, фото, где она в нижнем белье пляшет на столе. Или тоже свой телефон даст. Неужели у меня завяжутся отношения с такой красоткой? Надо еще комплимент подбросить».

Анатолий 6:25

Хорошо, буду стараться. Тем более что приз я получил несколько часов назад.

Vilte 6:25

kakoj?

Анатолий 6:27

Хм, ты еще спрашиваешь какой? Встреча и общение с то-

бой, богиня!

От нетерпения Толя курил сигарета за сигаретой, глотал холодный чай и глядел в экран.

Анатолий 7:28

А где же, извините, обещанный приз?

Vilte 7:38

a vot i PRIZ!! na fotke aktrisa, pomoeu dzesika alba, a ja mujik, prosto delat necevo. kak tebe?

Толя сначала не понял в чем дело и перечитал еще раз. И тут до него дошло. «Нет! Нет! Блин! Ну почему со мной? – Толя схватился за голову от обиды. – Вот я лох! Джессику Альбу не признал. Мужик! Ё..!

Анатолий 7:43

Прикол!!! Ха-ха, молодец, чувак!! Выходит, я теперь с чистой совестью вздремнуть могу. Ты хоть в Ирландии?

Vilte 7:44

da v Dubline, vse prvda, krome togo, chto ya devushka, no ne bespokojsja ya ne goluboj ...

Анатолий 7:45

И то слава богу... Ну что сказать, поднял ты мне настроение.. И часто так лохов подлавливаешь? Развлечение у тебя бессовестное... Впрочем, каждый испорчен по-своему. Ладно, чё я буду с незнакомым мужиком в семь утра трепаться... Ты хоть не снись мне, клоун из Ирландии.

Vilte 7:45

prosti, mujik...

Толя разобрал постель и встал, думая раздеваться или нет.
И тут опять сообщение.

«Сейчас я этому перцу из Дублина покажу, как в ночи ярко светится мост Джойса», – зло подумал Толя.

Подскочил к монитору.

Марго 7:50

Привет... Не ожидала тебя тут встретить...

Толя пригляделся – на аватарке его Рита. Еще и фотография из Крыма этим летом. Стоит Рита вся в белом возле фонтана «Богиня ночи». Он и делал снимок на свой телефон, только у себя удалил уже.

Анатолий 7:52

Привет.. Тебя искал.

Марго 7:53

А нашла я. Как ты?

Анатолий 7:54

Нормально. Как твой бывший?

Марго 7:54

Никак. Мы с ним больше не виделись. Что делаешь?

Анатолий 7.55

Стих про тебя написал.

Марго 7.56

Покажешь?

Анатолий 7.59

Как выдумать тебя из желтых листьев?

Из замерзающей пустой дороги?

*И пальцем провести по мокрому стеклу,
И слёз не знать, и получать прощение.
Как выдумать тебя из ничего?
сейчас.*

Марго 8:00

Грустное. Ты чего не спишь?

Анатолий 8.01

Сплю. Спокойной ночи. Хотя какая уже ночь, светать скоро будет. Голова не соображает совсем..

Марго 8:02

Позвони мне, как выступишься.

Анатолий 8:03

Хорошо. Позвоню

Толя поежился от холода и в одежде залез в постель. «Вот и познакомился с красивой бабенкой, – жизнерадостно подумал он. – Кто же, интересно, сейчас к настоящей Джессике Альбе в постель запрыгивает?»

Идолы для дебилов

Рита кричала из кухни какую-то чушь про то, что показывали по телевизору. В соседней комнате надрывалась музыка, там младшая сестра подпевала сладкоголосым парнишкам. Я сидел в кресле и пускал слюни над глянцевым журналом.

– Иди сюда! – звала Рита. – Смотри во что теперь одеваются! Мы так на День всех святых наряжались! Теперь так можно ходить! Прикинь!

– Наплевать! – громко сказал я.

– Что ты говоришь, Толя? – прокричала Рита – Я не слышу!

– Наплевать, – повторил я.

В дверь позвонили с осторожной настойчивостью.

– Открой! – крикнула Рита. – У меня кипит!

За дверью стоял парень лет двадцати. Его подхалимское лицо истекало дружелюбием, как сливочным кремом. Можно было подумать, что он именинник и принес торт.

– Вам сегодня очень повезло! Наша фирма устроила для вас подарочную акцию! – затараторил парень, протягивая картонную коробку. – В этом комплекте то, о чем вы так долго мечтали! Откройте и убедитесь!

«Странно, – подумал я, глядя в самые честные глаза, – мир катится к чертям, разваливаясь на ходу, а кругом упорно

стараются этого не замечать и с улыбкой перепродают его красиво упакованные обломки».

Я хлопнул дверью перед носом парнишки.

– Кто это был? – спросила Рита.

– Голодный дух, – ответил я.

– В смысле? – не поняла Рита

Я и сам не понял, к чему это сказал. Стоял и молчал, равнодушно наблюдая, как холодеют зрачки Риты.

«У любви нет совести, – вспомнил я чьи-то слова, видя в глазах жены почти ненависть, – да и откуда ей взяться».

– У тебя нет совести, Толь, – сказала Рита. – Последнее время ты меня не слушаешь и не слышишь.

– Точно, – подтвердил я.

И добавил, только не вслух: «Наплевать».

В дверь опять позвонили. По коридору прошла младшая сестра и впустила в квартиру двух дружков, похожих на выпавшихся домашних котов. Один из них заметил меня и приветственно кивнул. Второй даже не глянул в мою сторону.

Подразнив нос ароматами с кухни, я направился в комнату. В коридоре было слышно, как у сестры громко разговаривали ее дружки:

– Ты зря этим не пользуешься, – насмешливо упрекнул один. – Девчонкам нравится. И есть в любом интернет-магазине.

Кажется, это был тот, кто поздоровался со мной.

– Наплевать, – равнодушно сказал второй.

– Гм, – немного удивился я.

Не успел я опуститься в кресло, полистать журнал и прикинуть, сколько еще протяну в этом дурдоме, то есть на этом свете, как Рита заявила из кухни и сердито спросила:

– Ты ничего не хочешь мне сказать?

– С чего бы это? – тоже сердито спросил я.

– Наш с тобой мир рушится, а ты ничего не собираешься предпринимать. Тебе что наплевать на это?

– Рушится? – повторил я.

– Да.

– Наплевать, – неожиданно для нас обоих произнес я.

– Что?!

Рита заплакала и убежала. Я устало вздохнул и поплелся на кухню ее успокаивать. Хныкать Рита перестала только после моего признания, что я тронулся умом от безделья и теперь себя не контролирую.

– Прости меня, Риточка, – бормотал я. – Нервы. Третий месяц ищу работу и бестолку. И есть хочется, так вкусно пахнет.

Она ощупала мою голову, погладила по щеке и поцеловала в шею. Я загорелся и потащил её к постели. Она сделала вид, что не поняла, потом обиделась и укусила меня. Ну да, когда-то я и полюбил Риту за трогательную дикарскую непокорность и увез в Крым.

В телевизоре просигналил новый смешной сериал. Забыв

обо всём, Рита замерла у экрана. Я молча наблюдал, как она отдается ему.

Не заводи телевизор, если хочешь остаться в доме хозяином. Не помню, кто это сказал, может, и я. Уж лучше жить с одной радиоточкой и слушать классическую музыку, чем сидеть по комнатам в компании ласковых убийц. Работа и так обкрадывает людей на половину жизни, так они еще добровольно несут оставшееся бесконечным идолам. Есть за что ненавидеть телевизор.

На кухне появился один из дружков сестры. Тот, который кивал мне, и тоже уставился в экран. Можно было подумать, что оттуда ему машут рукой и показывают фокусы. Впрочем, так оно и было. Глаза Риты и приветливого парня гипнотизировали картинку с кривляющимися человечками, как икону.

Мне такие фокусы не нравились. Я пошел прочь.

– Ты куда? – не отрываясь, спросила Рита.

Я промолчал. Ей было все равно.

– Где у вас бокалы? – спросил дружок сестры.

– В шкафу над мойкой. Раньше их было шесть, – объяснял я, пытаюсь отвлечь парня от экрана. – Один я разбил буквально вчера, а два сразу, как только их нам подарили на свадьбу.

– Отлично, – сказал кто-то с экрана. – Теперь нам всем чертова крышка.

– Побереги нервы. Они тебе еще пригодятся, – ответили ему.

– Вам уже ничего не пригодится, – сказал я им.

Я прошел мимо уборной, открыл стенной шкаф в коридоре. В углу пылилось воздушное ружье Ритино папаши, который стаскивал домой всякий хлам. Он всегда мне говорил, пока был жив: «От тебя, подлеца, дому никакого прока, ты только и норовишь что-нибудь сломать или выкинуть». Подумав, я достал ствол и прямо из коридора прицелился в экран.

Из комнаты сестры неожиданно грянула музыка, и я непроизвольно нажал курок. Пулька попала в вазу, стоящую на полке с телевизором. Она с грохотом разбилась.

Дружок сестры упал на пол и закрыл руками голову. Рита завизжала так, что я испугался. Мне даже показалось, что я подстрелил её, хотя точно видел, что пострадала лишь ваза.

– Не убивайте меня! – прокричал дружок сестры. – Я ничего не сделал!

– Всё без толку, – сказал кто-то с экрана, – у этого парня нет мозгов.

– А у кого они сейчас есть, – ответили ему. – Только у тех, кто ими пользуется.

Бросив ружье, я увидел себя в зеркале и в панике выскочил из квартиры и по лестнице черного хода вылетел во двор. Перебежал дорогу и замер на тротуаре при воющих звуках патрульной машины. Она проехала в другую сторону.

Какого черта я стрелял? Неужели меня довели? Да, отражение в зеркале было как у сумасшедшего. Последний раз

я стрелял из водяного пистолета в родную тетушку, которая встала на пути к банке вишневого варенья. С тех пор я покорно терпел всё, что мне навязывали, и жизнь казалась вполне сносной штукой. Как получилось, что за два месяца я стал смотреть на мир другими глазами? Он весь исходит сверкающей блевотиной, которая не марает, а хоронит живо.

– Эй, приятель! – прокричал мне в ухо долговязый кретин с улыбкой шире нас обоих. – Не хочешь побыть статистом? На набережной через полчаса пройдут съемки. Я вижу, ты все равно слоняешься без дела.

Со мной все обращались панибратски. Наверное, из-за того, что у меня лицо деревенского простака.

– Отвали, – сказал я.

– Три тысячи, чувак, за полчаса работы, – ухмылялся кретин.

– Что нужно делать?

– Нужно постоять в толпе зевак возле трупа.

– Какого еще трупа?

– Не настоящего, чувак. Загримированный актёр, его убьют.

– Кто? За что?

– А это ты узнаешь в конце года, когда увидишь себя на экране. Ха!

– Три тысячи? – спросил я.

– Да, чувак. Ха!

Я согласился.

Актёр, игравший труп, прошёл через толпу статистов, высокомерно задрав нос, и снисходительно улёгся на тротуаре. Его смочили кровью, вернее краской, придали лицу застывшее идиотское выражение маски мертвеца и попросили всех смотреть на него так, словно он каждому был должен по состоянию.

Мы постояли пару минут. Потом нам разрешили перекурить, актёр потрепался с режиссером и его положили под другим углом. Мы опять постояли возле тела, только теперь с выражением лиц как будто мы ему должны по целому состоянию.

– Все свободны, – объявили нам, – деньги получите на выходе с площадки.

Только я получил гонорар, как меня схватили за руку. Это был помощник режиссёра.

– Послушай, – сказал он, – ты единственный, кто смотрел на труп не как все.

– А как?

– Словно ты знаешь, кто его убил и кто все эти люди вокруг.

– Это ты к чему?

– У режиссёра родилась идея расширить сюжетную линию, если продюсеры будут не против. Позже он хотел бы связаться с тобой и обговорить условия.

– Ты это серьёзно?

– Это твой шанс!

– Катись к чертям, – спокойно проговорил я, словно предложил прокатиться на велосипеде. – Вместе со своим режиссёром и продюсерами.

Помощник режиссёра недоуменно пожал плечами и отошел. Ему было наплевать на меня. Я тоже пошел прочь. За мной увязался какой-то тип. Сначала он шёл чуть сзади, потом пристроился рядом. Тип был невзрачен и плохо одет. Таких замечают, только если они начинают выпрашивать деньги или вопить дурным голосом.

– Послушай, – нервно вздрагивая, сказал он, – я слышал ваш разговор. Почему ты отказался? Если бы такое предложили мне...

– Я не продаюсь, – оборвал я.

– Не морочь голову! – возмутился он. – Ты только что продал себя за три тысячи.

– Это была разовая платная услуга.

– Не заливай. Ты что-то скрываешь. Или ты просто испугался?

– Не просто испугался, – остановился я, чтобы посмотреть типу в лицо непонятого цвета, точно засиженное мухами, – а пришел в ужас.

– Пришел в ужас? В смысле? – не понимал тот.

– В смысле, что кругом столько дебилов которым хочется, чтобы на них глазели и лайкали! – заорал я и схлестнулся с типом.

Я ему съездил по уху, а он оторвал мне карман на рубашке и расцарапал плечо. Нас разняли седые старички, слонявшиеся поблизости в поисках разрушенного чуда архитектуры. Теперь на его месте стоял наскоро скроенный массивный уродец из стекла и пластмассы.

– Плохо дело, ребята, – покачал головой старик с осанкой графа Честерфилда. – Какой бы ни была причиной стычки, но одному из вас стоило проявить ум, чтобы избежать драки.

– Пошел ты, – огрызнулся мой противник.

Зло поплевавшись, мы разошлись. Окончательно избавившись от кармана и отдышки, я решил снять стресс и пересчитал деньги.

В меланхоличной прогулке, распивая вино в скверах, я обошел несколько старых кварталов, заглядывая во дворы и вынюхивая следы прошлых веков. Раньше, когда не было такого количества бездушных идиолов, мир крутился иначе. Точно, вам говорю, гляньте сами. Недалеко от дома, где жил Бунин, я ради хохмы обратился к табличке с изображением писателя его же словами:

– Я человек! Как бог, я обречен познать тоску всех стран и всех времен!

– Не передумал?

Передо мной стоял помощник режиссера.

– Следишь за мной? – сразу завелся я.

– Живу здесь. – В руках у помощника режиссера был пакет с продуктами.

- Еще пара неприятностей за сегодня, и соглашусь.
- Ага, видно, что ты не в себе. Но нам такие и нужны.
- А я не хочу играть по вашим правилам.
- Да какие правила. Пригодишься на пару раз и хорошо.

Не мечтал разве попасть в телевизор?

- В детстве. Так оно прошло.
- Попробуй его вернуть.
- С помощью ваших кукловодов?
- Всё в твоей голове. Ладно, не хочешь, не надо.
- А может... надо.

Я все-таки дал ему свой номер и посмотрел, как он легкой походкой исчезает в парадном подъезде высокого красивого дома.

Темнело, и усталость ломилась в спину, как к себе домой. Хотелось одного – вздремнуть.

Метро я переносил плохо из-за ощущения, будто катаешься в чужом гробу. Сделав на троллейбусе круг по Садовому кольцу, отделявшему суету зерен от суеты плевел, я сошёл у площади трех вокзалов. Здесь жизнь наполнялась особым дорожным смыслом, обгонявшим другие смыслы с криком и гомоном. На Ярославском вокзале я вежливо прикорнул у чьих-то тюков, меня почти не было видно за ними. Тюки пахли соломой, ржаным хлебом и огурцами. Недолго поворочавшись, я отключился.

Приснился странный сон. Я стоял у огромной, в три моих роста, картины. Табличка под рамой смело заявляла: «Спа-

сение «Титаника»». Полотно привлекало обезоруживающим оптимизмом. В развернутых небесах парили сытые пухленькие ангелы с золотыми трубами, меж белых облаков вниз взирали божественные лики. А там тяжелые айсберги, прежде обрекавшие корабль на гибель, превратились в столпы послушной воды и замерли. На корабле царило радостное воодушевление. Взмолвленные люди заполнили палубы: дети с разноцветными шарами, молодые женщины в светлых платьях, офицеры в белых мундирах, все одинаково счастливы и безлики. В отражении морской воды огромный корабль превращался в Ноев ковчег, на котором встречали голубя с веткой оливы в клюве.

Я открыл глаза разбитый с горечью во рту и мыслью, что такой сон никогда не забыть. Проспал я чуть больше получаса, а показалось – вечность.

Тюки из-под меня забрали, вместо них лежала мятая газета. Думая, что делать дальше, я машинально взял её и принялся разглядывать объявления. Меня заинтересовало только одно: «Прапорщик примет в дар семиструнную гитару т. 713 88 23».

Меня охватила уверенностью, что нужно позвонить по указанному номеру. Возбужденный я вскочил и побежал искать телефон. Свой я оставил дома.

Недалеко снимал квартиру приятель. Нужно было проехать пару станций метро в сторону Сокольников. Решившись, я спустился под землю. Постоял у первого вагона и во-

шел во второй. Через станцию в дверях появился подросток со спортивной сумкой.

– Шарики-ракеты! – бойко объяснил подросток. – Со свистком!

Принцип действия был прост. Подросток тут же его продемонстрировал. Шарик со свистом пролетел через весь вагон и сморщенный упал на рукав дорого костюма крупного мужчины, беседовавшего с молодой женщиной, напротив меня. Видимо, узрев тот же щекотливый образ, что и я, мужчина брезгливо поморщился. Элегантные усики над верхней губой хищно шевельнулись. Одним движением мужчина стряхнул безмозглую резинку.

Я жизнерадостно улыбнулся, но сразу превратил улыбку в печальную гримасу, заметив вызванную моим участием неприязнь. Крупный мужчина в дорогом костюме посмотрел так, будто готов всадить в меня нож по рукоятку. Я прищурился, сделав вид, что ничего не вижу, и уставился на дверь. Подросток пробрался по вагону, поднял свой самый подвижный экземпляр и вышел.

Подростка сменил молодой негр, при нем была жена и четверо детишек. Негры не часто катаются в подземке целыми семьями, и внимание вагона переключилось на них. Никого не замечая, негры походили на глубоководных пучеглазых рыб, которых не касалась эта реальность. Куда же они плывут, думал я, похоже, что просто мимо.

Я поднялся на выход. Мужик, поймавший шарик-ракету

со свистком, опять с неприязнью посмотрел в мою сторону.

– Семь один три восемь восемь два три, – сообщил я ему номер прапорщика.

– Что? – дернулся мужик.

– Телефон моего секунданта.

Со спины меня прикрыла семья негров, выходявшая за мной на станции. На платформе я пропустил их вперед и некоторое время в толпе двигался за ними, фантазируя, как бы мне жилось, если бы родился в Африке. Вряд ли бы я поехал туда, где жили белые. Почему? Да потому что их будущее бессмысленно, как девяносто пятая серия бездушной саги, промывающей мозг, из всезнающего «ящика». Банально? Вряд ли вы найдете причину поинтереснее.

На эскалаторе я прошел вперед и встал за двумя молоденькими девицами с формами приятными для созерцания.

– Вот, представляешь, какие бывают совпадения, – о чем-то договорила менее смазливая.

Вторая мельком глянула на меня и добавила:

– Я бы тоже на что угодно согласилась, лишь бы попасть на обложку такого журнала.

Первая только довольно вздохнула.

– Я тоже своего добьюсь, – твердо сказала вторая и как-то мстительно посмотрела на меня, словно я протестовал. С её фигурой и личиком можно было добиться даже больше, чем попасть на обложку глянцевого журнала. Я бы тоже на её месте многого добился.

Мимо проехал вниз совсем юный парнишка с дредами на черепке. Он высокомерно глянул на нас и на темнокожую семейку, словно был двенадцатым ребенком Боба Марли, хотя вряд ли слышал даже о Ли Перри. Провожая его взглядом, я подумал, что любая идея, даже самая красивая и гуманная, может успешно продаваться и морочить людям голову, превращая её в мусорку, которую легче спалить, чем очистить. С этой мыслью я появился на поверхности.

У приятеля было отличное настроение, он радостно встретил меня, распахнув дверь. Пританцовывая, он ходил по комнате и чуть ли не каждую минуту целовал жену в щечку. Они так хорошо ладили, что я даже забыл, зачем явился.

– Вы чего такие радостные? Выиграли в лотерею? Едете в отпуск?

Из комнаты аукнула телевизионная реклама, и я вспомнил.

Телефонная трубка была теплой, словно заждалась меня.

– Але, это прапорщик?

– Нет.

– Вам нужна семиструнная гитара?

– Нет.

– Странно.

– Ничего странного, ты уже восьмой, кто меня сегодня звонит. Если я узнаю, чья это шутка, то разобью об его голову все гитары, которые скоро буду принимать в подарок.

– Ну пока, – попрощался я и положил трубку.

Приятель посмотрел на меня, как на огородное чучело, а потом принялся угадывать и давать советы:

– Поругался с Ритой. На взводе. Ты уж следи за собой, а то, не ровен час, до тебя не докричишься. Сам знаешь, люди здесь сходят с ума быстрее, чем делают вдох-выдох.

– Лапа, беги скорей сюда! – позвала из комнаты его жена. – Наш сериал начался!

– Вот-вот, – сказал я.

– Хороший сериал, – усмехнулся приятель. – В английском стиле, много смешного.

– Конечно, – согласился я, – кто бы сомневался.

– Пошли, посмотрим.

Когда я сел перед телевизором, то чуть не взвизгнул от боли. Вот где уродовали мой мир! Вот где прятался враг, в этой чертовой штуковине. Она оставляла от жизни обрезки, вместо людей подсовывала кукол.

Приятель с женой в обнимку пялились в экран и смеялись как дети. Не хотелось портить их идиллию, только поэтому я не стал накидываться на паршивый ящик. Сходил в уборную, и сам убрался.

На метро я опоздал. Впрочем, ехать никуда не хотелось. Везде неудобно, когда хочется катапультироваться на другую планету. Я встал у спуска в подземку и закурил.

Ночь разрешила бродягам появиться на улицах. Они расползались вокруг, как насекомые, обретшие частичку разума. Им не нужны идолы, чтобы цепляться за жизнь. Один из

бродяг, двигавшийся мимо, как сломанный заводной медвежонок, остановился и попросил сигарету.

– Ты смотришь телевизор? – угостив, спросил я.

– Да.

– Что смотришь?

– Разное.

– Наверное, все подряд?

– Да.

– А где смотришь?

– Где придется.

– Когда в последний раз?

– Вчера. Сквозь витрину магазина я видел взрыв самолета и большую драку. Люди лезли по головам.

– И что?

– Мне понравилось и то, и другое.

– Подожди.

Я пошел в ближайший ларек и купил два крепких пива.

– Тебе хочется попасть в телевизор? – спросил я у бродяги.

– Как это?

– Сняться в каком-нибудь фильме или передаче. У тебя вид харизматичный. Постаревший Дюдя Лебовски. И кофта такая же.

– В передаче про собак, – беззубо улыбнулся бродяга. – У меня была большая добрая псина, она защищала меня, но её сбила машина.

Это меня растрогало. Подошли еще двое, я угостил всех.

Утро прихватило меня на лавке рядом с бродягой. Мы лежали валетом, как родные братья. Меня тошнило и мутило.

Плохо понимая что и как, я возвращался домой. Мир диктовал условия, по которым я не мог прожить без своего угла. По крайней мере, нужно место, где меня никто не увидит, где можно сварить похлебку и слушать тишину, которую не отнимут.

Только я переступил порог, как Рита со слезами бросилась на шею и заныла, словно в дешёвой постановке. Что я мог сказать? Только одно:

– Прости, малыш, прости.

– Что же будет дальше? – рыдала она. – Ты разлюбил меня?

– Прости, малыш, – твердил я. – Когда я начинаю думать, что жизнь катится к чертям, то всё делаю не как нормальные люди и очень нервничаю. Кому я нужен со своим филологическим образованием? Хочешь, я завтра устроюсь грузчиком, сторожем или на стройку? Я просто схожу с ума от мысли, что не верю этому миру!

– Я не понимаю тебя, – жалобно произнесла Рита. – Почему мы не можем жить, как обычные люди, и просто любить друг друга?

– Любовь, малыш, это не то, что ты себе представляешь, – с трудом говорил я. – Это всегда намного хуже и лучше...

– Я тебя не понимаю, – еще жалобнее повторила Рита.

– Думаешь, я тебя понимаю, когда ты так пищишь, – не выдержал я. – Что с тобой происходит, малыш? Кому ты подарила свои мозги?

Рита заплакала. Иногда от её слёз во мне скреблась жалость, а чаще вырывалось бешенство. В этот раз заскреблась жалость, я стал гладить Риту и говорить о любви.

– Ты ужасно пахнешь, – улыбнулась Рита.

– Я подружился с бродягами. Выяснил, что они любят животных и могут пить сколько угодно, но пошло у них отвратительное.

– Иди, прими душ, потом я тебя покормлю.

– А где твоя сестра?

– Вчера ушла на концерт.

– С теми двумя котами?

– С другим парнем. Она-то хоть позвонила.

– Ты меня ждала?

– Не спала всю ночь. Отпросилась у шефа. Час назад кто-то звонил на твой телефон. Какой-то режиссёр.

– Это по работе.

– Ты нашел работу?

– Почти.

Мы перекусили, выпили вина и легли в постель. Обнялись и уснули. Пусть мир катится, куда ему вздумается, напоследок подумал я, уткнувшись в подушку. Всё равно мне катиться вместе с ним, пока я сплю с женщиной и охраняю наш дом.

Вечером, выспавшись, я в одиночестве наблюдал в окно. Рита ушла в магазин.

Пустой двор, только два старика рылись в мусорном баке. В стороне странный лохматый тип в поношенном пальто тоже смотрел на них. Сначала один старик нашел костыли. Примерил их, повертел в руках и отставил в сторону. Потом другой нашел куртку, попытался в неё залезть, но она была откровенно мала. Странный тип повернулся и ушел. Наконец из глубины мусора старики извлекли какой-то сверток. Надорвали его. Озираясь, быстро сунули в свой пакет и исчезли.

Дурацкая скучная жизнь, равнодушно размышлял я. Можно устроиться на работу и строить карьеру, можно бездельничать и валять дурака, можно даже сойти с ума. Я вот час назад пообещал Рите, что пойду работать на стройку или в статисты, куда угодно. Она обрадовалась и сказала:

– Теперь в нашей жизни всё измениться!

Но ничего не изменится, пока не поймешь, что тебя обманули и вместо жизни подсунули использованный гондон. И тогда нужно будет начинать по новой, и тогда нужно будет делать реальный выбор – кто ты на самом деле.

Я налил чаю, отгоняя паршивое настроение. И тут под окном зашуршали шины. Несколько раз громко, по-хозяйски, посигналил автомобиль. Хлопнули дверцы. Грубые голоса, как бревна, прокатились по двору. Я выглянул. Два детины в черных костюмах перерывали мусорку, как кроты. Судя по

энтузиазму, они искали не старые куртки и башмаки.

«Повезло старикам, – обрадовался я. – Может, оно и хорошо, что каждое мгновение у кого-то появляется шанс купить новую жизнь, в сущности похожую на старую. Но все-таки...»

Настроение медленно поползло вверх. Напевая, я автоматически включил телевизор. Потом выключил. Подумал и опять включил. Ведь скоро меня покажут.

Твоя любовь

Большой любви к людям у меня не было. К жизни – да. Я ценил свободу, мечтал о море, о путешествиях, о дальних странах. В любви я сомневался, в ней я видел одни мучения. С женщинами у меня не ладилось, месяц-два и мы разбегались. Им не нравилось, что я обычный строитель и в середине недели могу подвыпивший устроить скандал.

От пьющих мужиков никто ничего хорошего не ждет. Отдельные экземпляры, вообще, ставят под сомнение смысл существования людей. Например, мой сосед по квартире. С утра, хватаясь за сигарету, он запирался в туалете и начинал издавать такие звуки, что я был уверен, он взлетает. Через другое отверстие он ругался на чем свет стоит, проклиная все, что на ум приходило.

Сегодня было не исключение.

– Как можно жить в этом блядском мире? Здесь каждый недоносок сует свой член в ближайшую дырку, не думая, что после этого появятся такие же недоноски! Кто придумал весь этот мир? И зачем? Если бог, то он, видимо, такой же кретин, как те, что населяют его землю. – Считая меня таким же циником и уродом, сосед ничуть не стеснялся сидеть на толчке и обращаться ко мне, как к невидимому собеседнику.

Ему перевалило за тридцать, он говорил чужими словами. Можно было подумать, начитался Миллера и Буковско-

го. Но он читал только «Плэйбой» и «СПИД-инфо», всегда валявшиеся в туалете. Слушать его я уставал и укутывался с головой в одеяло, стараясь не представлять покрасневшую от потуг рожу и искривленные губы, державшие сигарету.

Люди, ругавшиеся безбожно, населявшие пространство лярвами, вызывали тревогу. Я беспокоился за хрупкий мир – словесный понос безжалостнее баллистических ракет.

Сосед вышел и громко сообщил, что вчера переспал сразу с двумя. Причем, не с уличными шлюхами, а с подвыпившими студентками пединститута. И, мол, они пищали от смеха, когда он по очереди им всовывал.

– Хорошенько дело, – презрительно фыркнул сосед, – поиметь сразу двоих. И еще будущих училок. Интересно, что же из них выйдет? Нам бы в свое время в школе таких училок. А? Ты бы не отказался трахнуть сразу двоих молоденьких училок?

– Отстань, – бурчал я из-под одеяла. – Я хочу спать.

Но спать я не хотел, а думал о том, когда же сосед уберется из дома.

Две недели назад я попал сюда случайно. Меня выгнала Рита. С ней я прожил дольше всех, почти четыре месяца. Мне казалось, у нас всё складывается. Но после очередного трудного дня, когда я пришел грязный и пьяный, размахивая кулаками и бутылкой, заявляя, что этому миру уже не отмыться, она выставила меня за дверь.

С соседом мы работали в одной бригаде. Он сразу смек-

нул, что я подхожу ему в компаньоны. Денег у нас не водилось. Заработав, мы их тут же пропивали.

Но через две недели мы устали друг от друга. Вернее, я от него.

Вчера, в пятницу, после работы он звал прошвырнуться по городу. Но я пошел домой, выпил несколько бутылок пива и уснул, не услышав его возвращения.

– Эй, хочешь бухнуть? Хватит дрыхнуть! – потребовал голос надо мной.

Кажется, сосед не собирался никуда уходить. Выходной испорчен, подумал я. Впрочем, еще можно было взять инициативу в свои руки. Я откинул одеяло и посмотрел на соседа. Вид его был настолько дружелюбный и в то же время идиотский, что я невольно улыбнулся.

– У меня есть выпивка, – подмигнул сосед, – вчера я стянул вермут и водку. Такому сборищу, куда я попал, пить было вредно. Одни клоуны. Я чуть не обоссался от смеха, когда мужик влез на стол и начал стихи орать.

– А пожрать есть?

– Если пить со мной будешь.

– Буду.

Солнцу подбиралось к полудню. Можно и выпить, не слушать же соседа трезвым.

Сервировать он не умел. Как попало накидал нарезанные страшными кусками колбасу и сыр, а вот хлеб был аккуратными ломтями.

– Тоже вчера набрал в гостях? – догадался я.

– Ага. Водки? – предложил сосед.

– Вермут, – ответил я.

– Зря, – поморщился сосед. – Бабское пойло.

– Вермут с водкой, – сказал я.

Сосед кивнул, неторопливо налил и чокнулся. Он сглотнул свои полстакана, помотал головой по лошадиному и набросился на еду, как термит. Так едят каторжники, бродяги и жлобы.

– Знаешь, – говорил сосед, роняя куски еды, – я вот подумал, отчего ты такой молчаливый. И понял, у тебя проблемы с бабами. Они тебе не дают. У мужика, которому бабы дают, вид задиристый и веселый. А которым не дают, вид как у тебя.

– Ты говоришь, что у меня такой вид потому, что мне бабы не дают? – переспросил я, наклоняясь к соседу, словно желая расслышать получше.

– Не, я просто так, – усмехнулся он, поглядев мне в глаза. – Просто бывает, найдется одна, которую хочется больше всех. А она, потаскушка, нет, чтобы навстречу пойти, вертит тобой, как хочет. Играет, как гондоном. Из-за них мужики ходят потерянные. Таких я больше всего не люблю.

Он посмотрел на меня и налил водки. Вид у него был такой, словно он только что объяснил, как устроен мир.

– Не хочу о бабах говорить, – твердо сказал я.

– А чем еще говорить за выпивкой? Жизнь одинокого

простого мужика сводиться к трем вещам: где бы пожрать повкуснее, поспать подольше между стройкой и отыметь кого-нибудь получше да повеселее. Что? У тебя по-другому? Ну и помалкивай.

– Что? – нервно спросил я.

– Всё. Не зачем мне про твое самокопание ебучее знать. Придумали, блядь, самопознание. Всё и так ясно. Как устроена здесь и сейчас жизнь, такой она будет всегда. Это мир низших существ. Он за счет нашего навозного копошения и держится. В другом мире, возможно, по-другому. Хочешь жить там, живи. Только сначала выберись отсюда. Гы-гы!

– Гы-гы, – передразнил я. – Хули ты ржешь?

Я не знал, что еще сказать. С чем тут спорить? Может, он и прав, и поэтому я все время думал о том, где живут светлые добрые люди.

– Дебил, – добавил я.

Сосед полез драться. Отчаянная трель дверного звонка отвлекла нас от ссоры. Пришла хозяйка.

Немолодые одинокие домохозяйки часто пускают в дом всяких сомнительных типов, чтобы обмануть одиночества, а повезет – найти спутника жизни. Вот, например, наша. Она сдавала пустующую квартиру одиноким мужикам, вступая с ними в непродолжительную связь. Мужики, как на подбор, были негодяи и неудачники. Последнего сожителя, распускавшего руки, сосед выселил по просьбе хозяйки. Она уже хотела сойтись с ним, но тут появился я. А у хозяйки – вы-

бор.

Она пришла навеселе с бутылкой вина и открытой коробкой конфет.

– Я к вам с праздника жизни, – заплетаясь языком начала она.

С её слов мы поняли, что она зажигала где-то у богатенькой подружки всю ночь. Обзавелась кучей поклонников и одного затащила в постель. Но добилась немного, и неудовлетворенная заявила к нам.

Бесспорно, мы оживили её планы.

– Скучаете, мальчики, – она посмотрела на нас влажными глазами и еще раз пересказала, как весело провела время.

– Потеет от зависти, – сказал я, глядя на её зеленое от усталости лицо.

– Открой, – подала хозяйка бутылка.

Мы дружно выпили, искренне поохотали. Облизывая губы, женщина переводила взгляд с меня на соседа, который мысленно уже несколько раз её отымел.

– Вы сегодня на редкость обворожительны, – я галантно поцеловал хозяйке руку.

Выбор пал на меня. Хозяйка встала и уверенно потащила меня в комнату. Я бежал резво, мое самолюбие находилось ниже пояса.

На кухню я вернулся через час, вылизав хозяйку с ног до головы. Сосед был пьян и кивал головой, словно во всем соглашаясь с бутылкой, стоявшей перед ним.

– А где эта? – еле ворочал языком он.

– Спит. Умаялась.

Сосед сделал неопределенный жест, словно показывая, как правильно закидывать удилице.

– Чего хотел-то? – спросил я.

– Того же чего и ты.

Я пожал плечами. Мы оба страдали сатиризмом. Сосед встал, грозно покачиваясь, но побежал в уборную. Пока он блевал и сливал воду, я оделся и вышел.

Сердце просило волны, бьющейся о причал.

Весна недавно согнала ледяной панцирь с реки, и берега были едва окрашены зеленоватой нежной дымкой. Казалось, один грубый порыв ветра и её сдует.

С набережной я увидел, как у причала набирает пассажи-ров первый прогулочный катер. Добежав до кассы, я успел купить билет и последним запрыгнул на борт. На два часа я погрузился в созерцание, понимая, что это единственное, чем я овладел в совершенстве.

Опускались сумерки, когда теплоход вернулся. Я был настолько голоден, что с радостью съел бы левый борт, будь он из муки или риса. И еще я хотел выпить. Мучительно, до головокружения. Денег хватило на сигареты. Закуривая, я заметил, что за мной наблюдает молодая пара. Они стояли у машины и разговаривали. Точно не обо мне, но так как я один находился в поле их зрения, им приходилось наблюдать именно за мной.

Я озяб, спешить некуда. С сигаретой в зубах я подпирал фонарный столб у речного вокзала, размышляя, повезет сегодня или нет.

И мне повезло. Каждый раз, когда по-настоящему нужно, это происходило. Конечно, удача не охотилась за мной, как за некоторыми своими любимчиками. Но мы можем поладить, если захотим. Когда я подкуривал очередную сигарету, мужчина приветственно помахал рукой и громко спросил:

– Ты кого-то ждешь?!

– Да! – крикнул я, подошел ближе и добавил негромко: – Я жду чудо.

– Чудо? – не понял мужчина.

Спутница была подогадливей. Она засмеялась и спросила:

– И долго будешь ждать?

– Пока не дождусь.

Мне показалось, передо мной молодые небожители времен черно-белого романтического кино. Я пригляделся, приходя в восторг, и увидел Сергея Тюленина и Любовь Шевцову, отомстивших своим воскрешением палачам за штольни. Они были молоды, спокойны и мудры. В их открытых чистых лицах отражалась другая жизнь. Вечная.

– А в чем заключается чудо? – спросил Тюленин.

– В чем угодно, или в ком... Может, даже в вас.

Шевцова кивнула и спросила:

– Ждал, когда позовем?

Я пожал плечами. Я ждал космического путешествия, ре-

волюцию здесь и сейчас, взаимопонимания и несколько бутылок хорошего вина.

Пока молодогвардейцы переглядывались, я представил фрагмент из нашей лучшей и общей жизни. У меня с детства было отличное воображение.

– Прокатимся и поболтаем? – расправил плечи Тюленин.

– Поехали, – кивнул я.

Ветер дул в лицо. Сердце билось часто и сильно, оставляя ощущение чего-то очень важного. Я даже не слышал, что мне говорили.

– Ты слышишь, что я тебе говорю? – спросила Любовь.

– Нет, – улыбнулся я. – У меня так бьется сердце, что я ничего не слышу.

– Скажи, разве можно жить и не знать, что тебя ждет?

– А ты знаешь? – спросил я.

– Я спросила тебя не о том, знаешь ты или нет. А том, можно или нельзя так жить.

– Нельзя, – подумав, сказал я.

– Тебя всегда ждет любовь, вот о чем речь, – пояснил Сергей, сидевший за рулем. – Ты не станешь спорить?

– Не стану, – согласился я. – А куда мы едем?

Машина развернулась в сторону моста за город.

– Мы давно никуда не едем, – покачала головой Любовь, улыбаясь.

– Как это? – не понял я.

– Мы никуда не едем, – повторила Любовь, – наша дорога

внутри нас.

– Согласен, – кивнул я.

Машина въехала на мост. Река под нами лежала темной посеребренной лентой, разрезая мир от горизонта до горизонта. Казалось, пересеки её, и попадешь туда, где нашим мечтам есть до нас дело.

– У меня с утра не было никакой дороги, только минное поле – сказал я.

– Хм, – отозвался Сергей. – Сейчас мы всё объясним.

Машина остановилась у придорожного кафе.

– Будете объяснять? – спросил я, когда мы уселись за потертый пластиковый стол.

– Подожди, – заговорщицки произнесла Люба. – Скоро узнаешь.

Она была удивительно похожа на заводную девчонку из книги Фадеева. С такими же необыкновенно задиристыми, очень умными и в то же время простодушными глазами.

– Бутылку вина получше, – попросил Сергей у подошедшей разморенной девицы.

– Что будете есть? – без интереса спросила она.

– Дайте фруктов, – сказала Люба.

– Только яблоки и апельсины, – лениво проговорила девица.

– Хорошо, дайте яблок, – согласилась Люба.

– Их всего два.

– Тем лучше.

Когда девица ушла, Любовь и Сергей разом наклонились ко мне.

– Знаешь, что такое настоящая любовь и дружба? – спросил Люба.

Так, словно я давно и настойчиво просил поговорить со мной об этом. Я жестом показал, что знаю, но не много.

– Это такая общность мысли, такое понимание, когда чувство благодарности к другу, к любимой не покидает тебя ни на миг.

– И все, что вы делаете, делаете ради общей свободы, – закончил Сергей.

Мне захотелось немедленно бежать и делать всё возможное ради свободы.

– Ради общей свободы, – кивнул я, довольный, что со мной разговаривают на высокие темы, – я готов на всё.

Девица принесла бутылку и два яблока. Люба нарезали их на дольки, а Сергей налил нам вина и предложил:

– Ты должен вступить в молодую гвардию.

– Куда?

– В молодую гвардию.

– Чтобы взрывать мосты и уничтожать врага, – догадался я.

– Нет, чтобы любить и строить новую жизнь.

Честное слово, именно такую картину я успел нарисовать в воображении. Пока не почувствовал, что реальность пощипывает за уши и тянет назад. Чего только не представишь,

ради прекрасного будущего.

Тюленин, и правда, пожал плечами, и предложил пойти в клуб на концерт. Разочарован я особо не был. В жизни попроще, чем в воображении. Но Сергея и впрямь звали Сергеем. А вот Люба оказалась Светой, хотя для меня все равно осталась Любой.

В клуб я пошел. Почему бы ни пойти, если приглашают и обещают угостить выпивкой. По своей воле я бы там, вряд ли, оказался. Куча народа заливает в глотку, гремит музыка, все орут, снимаются, радостно называя это общением и развлечением. Мне давно казалось, что ходить в клубы за развлечением, все равно, что искать алмазы по туалетам. Я не понимал, почему так много людей собирается в одном месте, как коровы на пастбище, каждый ходит с видом, словно всё в мире ровненько и по любви, словно завтра никого из нас не вывалят в дерьме, не обоссут и не отъебут без всякого здрасьте и до свидания.

Я предпочитал бродить по окраинам, выпивать с милыми дурочками в дешевых кафе, где народ похож на земляных червей, упорно переваривающих мир. В большинстве своем не страшных, а уставших и грустных. Хорошо пройтись по подземельям, где сидят мелкие демоны. Заглянуть к ним в ад, где его черные колеса, цепляясь друг за друга, приводят в действие весь наш большой балаган. Оттуда здешнее веселье выглядит, как жутчайшее по бессмысленности действие. Увидеть тени мира и ужаснуться, и прийти в восторг от ужа-

са. Вот развлечение так развлечение.

В клубе мы сразу стали бухать. Не размеренно пить, а накачиваться пивом, водкой и коктейлями, и еще жрать какие-то острые, соленые и сладкие закуски. Тюленин и Шевцова не переставали расспрашивать. Они сразу прикинули, что я чем-то отличаюсь от обычных пьяниц. А я выведывал, кто же они. Они быстро утолили мой интерес. Тюленин занимался недвижимостью, а Шевцова ради него бросила медицинский институт и год как была его любовницей. Они копили на квартиру в столице, жили в своё удовольствие, мечтая лишь о бесконечных каникулах и о толстых брикетах с крупными купюрами.

В конце концов, говорить пришлось мне. Выпив, я расчувствовался и стал изливать потоки романтической дури. Я клялся, что способен обойти мир пешком, что понимаю язык цветов и птиц. Могу обходиться без денег и писать отличные истории, которые изменяют мир. В общем, нажрался. И не заметил, как пропали прекрасные лица Тюленина и Шевцовой, закрутились стены и потолок, исчезло сознание.

Оно вернулось через лоб, упирившийся в холодную кирпичную стену. Я блевал где-то за углом. Когда изверглось последнее, сознание прояснилось, я понял, что опять вел себя по-скотски. Не раз я брался за свой моральный облик, пытаюсь воспитать лучшего гражданина вселенной, но всякий раз приходилось разводить руками. Я был из тех, кто испорчен. Не до самых костей, но достаточно глубоко, чтобы против-

стояние не прекращалось.

Отклеившись от кирпичной стены, я двинулся в темноту. Меня шатало и мутило. Поблизости жил приятель с одной красивой стервой. Она постоянно подначивала всех приходивших в дом мужиков. Пьяному мне было на это наплевать. Подходя к их дому, я увидел, что в квартире горит свет. И вскоре услышал доносившиеся оттуда вопли. Там явно скандалили. А скандалили они, если только напивались вместе. Если пил один, настоящего скандала не выходило. А тут все было путем. Раздался звон стекла, и в окно вылетела вещица.

Я подошел и подобрал старый будильник. Что ж, неплохо, подумал я, так и надо. И запустил его дальше.

– Ох, сука! Ты же разбила стекло! – проорал приятель и тоже запустил в окно какую-то хреновину.

– Моя любимая кружка! – взвизгнула, как зарезанная, женщина. – Я тебя ненавижу! Ненавижу!

– Ты сейчас полетишь вслед за твоей долбанной кружкой! Блядь!

Я не стал вмешиваться в скандал. Хотя так и подмывало подняться и выкинуть в окно вещицу покрупнее. В этом деле у меня хороший опыт. От безрассудства отвлекли шаги. Кто-то, заплетая ноги, шел в мою сторону.

Из темноты появилась потрепанная девица. Конечно, я увязался за ней и долго предлагал себя, как любовника, нахваливая свои достоинства. Девица устало материлась, пьяно вращая глазами и раскачиваясь. Пока я прикуривал сига-

рету на перекрестке, девицу подобрали лихие парни и увезли на синей машине, похожей на самолет.

Оставшись один, я принялся приплясывать и напевать. Вдруг стало невероятно весело, мне показалось, что я на палубе огромного пьяного корабля. И весь мир плывет неведомо куда. Все вместе – город и Земля. Я кружился, кружился, пока совершенно не закружил голову и не упал.

Проснулся я от чужого бормотания, холода и нестерпимой жажды. Открыв левый глаз, я увидел раннее утро. Скукожившись, я лежал на лавке в незнакомом дворе. Напротив на детской карусели сидел интеллигентного вида бродяга в костюме с чужого плеча, в белой пожеванной рубашке и пытался откупорить бутылку вина.

– Где взял? – спросил я, нутром чуя, что буду участником распития.

– Стащил на свадьбе, – даже не глянул на меня бомж.

– Рубашку?

– И рубашку тоже.

– Бутылка одна? – поинтересовался я.

– Две.

– Французское?

– По херу.

Я поднялся и сердечно познакомился с собутыльником. Он был растроган тем, что я увидел в нем поэта, и отдал мне право дегустации из второй бутылки. Наши организмы были одинаково измождены, двух бутылок хватило, чтобы за час

вернуть вчерашнее состояние.

Компаньон свалился за борт и почил крепким сном. А я с вдохновением принялся карябать гвоздем на спинке лавочки:

Утром весенним на лавке

*вино и солнце – жидкий философский камень –
зажгли во мне прекрасный жаркий пламень.*

*В ладонях сжав магическое средство,
я сердцем отливаю пули чистой страсти.*

*Отличный способ мир увидеть,
какой он есть на самом деле.*

*Я поднимаю взор и вижу лишь игру теней и света,
печаль есть сумерки, любовь – сияние рассвета.*

*Я был обманут загустеньем крови,
застывшем в теле как икота.*

Теперь всё ясно – мир подобен карнавалу!

*Неряшлив к тем, кто молча поджидает рядом,
приветлив с теми, кто живет с улыбкой.*

*Напиткам всем, что раны исцелят забвеньем,
и женщинам, в любви не знающим предела,
отдамся!*

Усердное прикладное стихотворство привлекло внимание старичка, бродившего с двумя лохматыми твякяущими собачками. Узрев надругательство над девственностью скамейки, он замахал палкой и поспешил пресечь безобразия. Между нами завязалась перебранка, которая закончи-

лось моим бесславным водворением за пределы двора под истеричный лай. Впрочем, особо я не расстроился.

Бездомная рыжая кошка лакала из весенней лужи и удивленно наблюдала, как мое тело двигалось зигзагами, натываясь на деревья, ограды и кучи прошлогоднего мусора. На подвиг тело не годилось. Хотя, видимо, и стремилось именно туда, где подвиги свершаются, как в рыцарском турнире. Не успел я прикинуть – зачем мне подвиг, как в спину громко посигналили.

У края тротуара, похожая на подводную лодку или батискаф стояла большая машина, оттуда выглядывали знакомые лица молодогвардейцев. Они приглашали внутрь.

Я заполз в батискаф.

– Ты куда пропал вчера? – спросил Тюленин.

– Не знаю, – пожал я плечами. – Не помню.

– Пьяница. Пьешь с утра, – без укоризны покачала головой Шевцова.

– У меня жизнь так складывается, – веско заявил я. – Вот и пью.

– Чего это она у тебя так складывается?

– Влюблен-с. Безответно-с, – сказал я, повесив голову, и тут же вскинул. – Но в любовь я теперь не верю.

– Надо же, – проговорил Тюленин, – он еще и влюблен-с безответно. Может, тебя отвезти к твоей любви безответной?

– Да куда его в таком виде? – не согласилась Шевцова. –

К тому же и в любовь он теперь не верит.

– В каком это виде, – запротестовал я, – вид у меня что надо. Дайте на бутылку вина, у меня ничего нет.

– Тебе хватит, – заметила Шевцова.

– Прости, Любовь, но тут ты не права, – покачал я головой. – А верю или не верю, это не важно. Главное, все только начинается.

– Серьезный парень, – усмехнулся Тюленин. – Куда его повезем?

– Пусть едет, куда хочет, – ответила Шевцова. – Но мне кажется, сегодня у него ничего хорошего не получится, слишком уж он пьян.

– Это мы еще посмотрим, – опять веско заявил я.

– Куда тебе? – спросил Тюленин.

Я объяснил дорогу.

Пока мы добирались, я пересказал кое-что из своей жизни. Донес смысл молодогвардейских идей человека будущего. Спел новую песню «Территории22». Прожег сигаретой палантин Шевцовой. Выпил запасы минеральной воды. Чихнул восемь раз подряд.

– Изменить ход предназначенных событий невозможно, – сказал я, покидая салон. – Можно отказаться от них, и тем самым загнать себя в тупик.

Любовь лишь покачала головой. Но по глазам было видно, что, не смотря на палантин, я укрепился в статусе друга, которому всегда открыты двери.

– Позвони мне вечером или завтра утром, – сказал Тюленин и сунул мне в карман бумажку с номером.

– Займи пару тысяч, – попросил я.

– На так, пятьсот.

И машина уехала. Вернее, уплыла.

Подчистив перья, набив рот жвачкой, я с бутылкой вина и плиткой шоколада поднялся на знакомый этаж. Чуть отдышавшись, я постучал.

Рита открыла дверь и критически оглядела меня.

– Привет! – жизнерадостно воскликнул я.

– Привет, – менее жизнерадостно проговорила Рита. – Чего тебе?

От одного ее вида я глупел. Ее задумчивые зеленые глаза переворачивали мою жизнь, она становилась одинокой и невыносимой. Хотелось умереть прямо у ног Риты.

– Давно не виделись, – глупо ухмыльнулся я и помахал шоколадом.

Рита выдержала паузу.

– Проходи, – вдруг что-то решив, пригласила она.

С порога я принялся говорить непонятно, упирая на то, что дни радости и печали нанизаны на жизнь, как бусины на легко рвущуюся нитку.

– Я же просила тебя, не приходите пьяным, – остановила на полуслове Рита.

– А что случилось? – деланно удивился я.

– Ничего. Пить я не буду.

– И не пей, я сам выпью.

– Ты пришел ссориться? – нахмурилась Рита. – А я подумала, мириться.

– Я пришел рассказать о своей любви.

– Ты это пробовал сделать две недели назад. Не получилось, – напомнила Рита.

– И что? Теперь мне нет места в твоём сердце? Мы же неплохо ладили когда-то? Еще три недели назад ты говорила, что мы вместе навсегда.

Рита сердито молчала.

– Я сейчас уйду, – соврал я.

Разулся, прошел на кухню и принялся открывать бутылку.

– Я уйду, – говорил я, – только пусть мне объяснят, неужели здесь не понимают, что со мной происходит.

– Нет.

Это «нет» было словно брошенный предмет. Я покачнулся.

– Отлично, – я уселся и выпил стакан вина как ни в чем не бывало.

– Уходи. – Рита еле сдерживалась, чтобы не бросить чего потяжелее.

– Ты занята?

– Занята.

– Чем? Кого-то еще таскаешь на поводке? А может, ты знаешь, что нужно всем этим людям вокруг? Интересная работа? Новые знакомства? Власть? А знаешь, что нужно мне?

Твоя любовь! Да.. Твоя! Только твоя! Понятно тебе? Не хочешь со мной разговаривать. А я скажу. Нет ни потерянного, ни найденного! У жизни есть один божественный урок. Урок любви! Он нарисован чудесными узорами повсюду. Он останется, всё остальное смоеется. Слезами, дождями, неважно. Я хочу вместе с тобой любоваться этими чудесными узорами. Любоваться и угадывать их продолжение в другом мире... потому мне и... мне и... ачхи... апчхи... Мне нужна твоя любовь! апчхи!

Рита испуганно смотрела, как я выкрикиваю фразы, чишаю и прихлебываю вино. Разошелся – не остановить. Она наблюдала, как за разбушевавшейся стихией.

– Мир отравлен! Апчхи.. Почему в нем так мало настоящей любви? В чем дело?! Он скоро сглотнет последнюю жратву, сготовленную из времени и пустоты! А потом отрыгнет проглоченное, поднимет охуевшие глаза и увидит тебя. Тебя! Будешь ли ты готова? А? Что ты так смотришь на меня? Ну что? Может, займемся любовью прямо сейчас? Апчх..

Я перестарался.

– Убирайся, – зловеще и тихо проговорила Рита. – Немедленно.

– И не просто уберусь! – отступая к выходу, готовый получить любым предметом по голове, громогласно вещал я. – Ты не увидишь меня никогда!

– Катись!

Хлопнув дверью, я слетел сразу на три этажа. И не отдышавшись, залпом проглотил остатки прихваченного вина.

– Уеду! – совершенно пьянея, проорал я и с силой запустил бутылку в мусоропровод. – Далекое! Навсегда!

Под грохот мусоропровода я вспомнил, как однажды Рита спросила:

– Почему ты так много пьешь? И о чем бы ни взялся рассказывать, все это пьяные истории по беспределу.

– Во всем виновато одиночество, – сказал я. – Так я забываю о нем. А еще я переезжаю с места на место. Это тоже спасает от одиночества.

– Пьешь и переезжаешь с места на место. Когда же это закончится?

– Когда я найду твою любовь.

Я сказал так, чтобы подыграть Рите в ее печальном видении мира. На самом деле, я думал иначе. Выпивка – это огонь, играть с которым опасно, но занимательно. Можно спалить себя и всё кругом, а можно согреться и кого-то согреть. А переезжать с места на места надо всегда, потому что человек – вода. Застаиваясь, он начинает тухнуть.

Вечером я дозвонился Тюленину. Рассказал, как есть, как было и как может быть. И попросил займы денег на билет.

– Уеду куда-нибудь.

– Приезжай ко мне, – сказал Тюленин. – Поговорим. У меня есть дело к тебе.

Без труда я нашел жилье молодогвардейцев в центре го-

рода.

– Неплохая квартирка. Есть же люди, которые без напряжения обустраиваются в жизни, – сказал я, появляясь на пороге.

Тюленин поморщился и объяснил, в чем заключалось дело, под которое он давал деньги. Выяснилось, что его младший брат собрался автостопом объехать Европу. С парнишкой нужно было доехать до границы и позаботиться, чтобы он не спрыгнул с поезда на трассу раньше времени. Малый был шальной. Нужно было сопроводить его до границы, а дальше куда угодно.

– И всё? – не поверил я.

– Ну можешь с ним поехать по Европе.

– Ага, – кивнул я.

Младший брат Тюленина оказался патлатым, хипповского вида долговязым типом. Он сидел тут же и азартно управлял своим альтер-эго, бегавшим с ружьем по компьютерным застенкам. Бредни у него в голове были похожи на мои, и мы быстро нашли общий язык.

Мне даже не пришлось напрашиваться на ночлег и кланчить деньги на пиво. Тюленин сказал, что, если я согласен, выезжать можно хоть завтра, и открыл створки своего бара. От этикеток зарябило в глазах.

Очнулся я уже в поезде на нижней полке.

– Скорый до Москвы? – спросил я у пожилой женщины в домашнем халате.

– Да.

Я осмотрелся, в ногах валялся полупустой рюкзак. Под боком смятая газета и бутылка минералки.

– Еду налегке, – сказал я, открывая бутылку.

В одном кармане я обнаружил приятную сумму денег, в другом три носовых платка и россыпь спичек.

Подняв голову, я с радостью обнаружил волосатого компаньона. Он преспокойно спал в вычищенных до блеска дорожных ботинках.

– Это ваш? – с легкой укоризной спросила женщина.

– Мой, – ответил я.

– В Москву едете?

– До Москвы и дальше. Я к бабушке в Софию. А мой друг в Германию, учиться на алхимика.

Моя двоюродная бабушка, и правда, жила в Болгарии. Я давно хотел ее навестить. Я не нарушил утренней гармонии и никого не обманул.

– Ну, дай Бог, чтобы доехали, – проговорила женщина и, взяв кружку, пошла за чаем.

Спрыгнув с полки, я выглянул в открытое окно и увидел изгиб железной дороги, по ней как игрушечный катился поезд. По краям вились пыльные проселочные пути-дорожки. Рядом с поездом бежала и его тень.

Дороги – ленты, окутывающие мир. Их клубок распутывается не ногами, а сердцем. Вечность они будут мелькать под башмаками, пока не поймешь, что моя дорога – это твоя до-

рога, моя любовь – это твоя любовь. Дорога похожа на дурной сон, если бежишь по ней, как бродячий пёс, ничего не обретая и ничего не оставляя за спиной. Она похожа на обглоданную кость, которую тащит в пасти одинокий пёс. Дорога без любви – нет ничего хуже.

Поезд качнуло. Впереди показалась большая станция. Я высунул голову в окно и прокричал:

– Рита! Однажды твоя надежда будет как подбитая птица! Вместо белого оперения грязные лохмотья! Душа будет замерзать от одиночества, умирая от тоски! И тогда ты позовешь любовь – согреть тебя! Сегодня любовь отправила меня в дорогу, а завтра будет не нужно никуда идти. Мы будем вместе! Наше завтра спасет моя любовь! Твоя любовь!

Как любят старики

В нашей строительной бригаде работали два брата по прозвищу Дикие. Сказать честно, нрав братья имели самый мирный. А вот фамилия им досталась характерная – Дикаревы. Может, поэтому у братьев был всегда всклокоченный и какой-то бродяжий вид, который не вязался с их рослыми монументальными фигурами, словно одинокий каменотес наспех сладил себе сынишек. Свою работу братья делали невероятно быстро и справно, их размашистые движения никогда и ничего не совершали без смысла. Никто в бригаде не мог за ними поспеть. Вот так и повелось – Дикие и всё тут.

Жили братья бобылями где-то на окраине города. С женщинами у них не ладилось. У младшего была брошенная жена и ребёнок в деревне, а старший так и не решился тянуть семейную лямку.

Как только у братьев появлялись деньги, они шли в кабак. Пили Дикие крепко и угощали с непривычным для бедного городка гусарским размахом. Правда, напиваться в их компании было скучно, уж очень братья были неразговорчивы. Казалось, сидишь в долине валунов в тихий пасмурный день и не знаешь, сошел ты с ума или нет. Но если в кармане пусто, выпить можно не только с валунами, а и с чертом лысым. К тому же рядом с Дикими никогда не было никаких споров, обиды или обмана.

Наведывались братья в самые разгульные и надрывные кабаки, где не вдохнуть и не выдохнуть от накала человеческих душ. Люди там были все как один точно во сне. От их неживой отстраненности или наоборот нарочито грубого присутствия атмосфера уплотнялся, словно на Венере. Но со своим неотесанным видом Дикие смотрелись в этой атмосфере вполне уместно.

В одном таком заведении Дикий-старший и познакомился со Стрекозой. Вернее первым ее увидел младший брат. У стойки бара он засмотрелся на бойкую девчонку, которая перепиралась с местным пьянчугой. Чем-то она приглянулась Дикому-младшему, и, вернувшись к столику, он указал на нее брату. А тот дурак сразу голову потерял.

Была Стрекоза вся такая тоненькая, быстрая, еще и с дурашливыми косичками. Носила легкие, точно из цветного облака, платьяца. И сама будто летелана крыльях, в глазах одна перспектива, точь-в-точь стрекоза.

Сколько лет братьям никто не знал. Но их морщинистые лица, напоминавшие испаханную по весне землю, давали понять, что им давно перевалило за сорок. Младший брат отличался от старшего только глазами, не такими водянистыми и спокойными.

И вот с того дня, как Дикий-старший увидел в кабаке Стрекозу, жизнь его превратилась кромешный ад. Чего он нашел в Стрекозе, сказать трудно. Это взбалмошное создание вряд ли годилось ему в подруги. Да и лет ей было чуть

больше двадцати, она братьям в дочери годилась, если не во внучки.

Дикий-младший не принял всерьез увлечение брата. Он и не предполагал, что если такой человек влюбляется, то становится похожим на бульдозер. Да и такие слова, как любовь, страсть и нежность, были для Диких редкой роскошью, которую они не могли себе позволить.

– Что ты нашел в этой девчонке? – посмеивался Дикий-младший над старшим. – У тебя с ней ничего не получится, обратись к тем, кто делает это за деньги.

Старший брат по лошадиному мотал головой и говорил:

– Эту девчонку я люблю.

– Люблю, – усмехался младший. – Ты думаешь, Стрекоза лучше других женщин? Ты же сам говорил, что женщины крадут душу.

– Нет, брат, – продолжал мотать головой Дикий-старший, – я думаю, что у женщины, которая призывно смотрит именно на тебя, внутри такая же одинокая душа. Ей и красть-то её незачем.

– Когда это Стрекоза призывно посмотрела на тебя? – потешался брат.

– Неважно. Посмотрит.

– Может, ты послушаешь меня и плюнешь на эту девчонку? Она скоро сведет тебя с ума.

– Она уже свела меня с ума.

Дикий-старший ходил за Стрекозой чуть ли не попятам.

Все свободное время, а иногда и рабочее, он ухаживал. Цветы, тряпки и безделушки, вот на что он тратил все заработанные деньги. А Стрекоза, принимая подарки, только улыбалась.

Улыбались и все, кто знал об этом. О них болтали кому не лень, выдумывая всякие мерзкие подробности. А Дикому-старшему было наплевать, он перебрался в мир, где жили только он и его мечта. Тут, сами понимаете, завидовать нечему. В таких отстойниках, как наш городишко, худшего не придумать. Это означало, что у парня не просто мозги набекрень, а и вся жизнь.

Спустя месяц после встречи со Стрекозой Дикого-старшего было не узнать. Он был похож на клоуна, который забыл, где кончается работа и начинается настоящий дурдом. Младший брат уже не смеялся над ним, а испуганно умолял:

– Братишка, что с тобой происходит? Ты разве не понимаешь, что стал посмешищем? Я хочу тебе чем-нибудь помочь да не знаю как. Когда же это закончится с тобой? Ты же не можешь вечно сходить с ума. Она никогда тебя не полюбит. Может, нам переехать в другой город?

Улыбаясь, старший брат смотрел на младшего, как на дурочка. Он уже давно перестал отвечать на подобные вопросы.

Еще через месяц никто уже не смеялся над Диким-старшим. От его безумного влюбленного вида люди мрачнели, понимая, что в этом мире с ними может случиться что угод-

но, еще и похуже чем с Диким.

Что самое поразительное, влюбленный почти не разговаривал с предметом своего обожания. Он дарил ей подарки, позволив себе при этом несколько раз глупо улыбнуться или с каменным выражением лица посмотреть глаза в глаза. Стрекоза тоже ничего не говорила, она всегда была себе на уме. Это было молчаливое безумие.

Чем занималась Стрекоза, появляясь в барах, можно было догадываться. Иногда по субботам она пела и танцевала. Но вряд ли это позволяло заработать на спокойную жизнь. То, что здесь платили за такую работенку, язык не поворачивался назвать деньгами.

Влюбленный Дикий просто светился от счастья, когда Стрекоза появлялась на сцене. И если раньше он интересовался только выпивкой, то теперь он стал замечать в баре несчастных, которым никто не мог помочь, кроме полного стакана. Не то, чтобы Дикий как-то обхаживал бедолаг, он молча суживал им деньги и подолгу останавливал на них взгляд, может, даже сравнивая эту страсть со своей.

Особенно приветлив Дикий был с теми, кто ему сочувствовал. По настоящему их было двое – старик, помогавший своей старухе торговать у вокзала непонятным шмотьем, и Марсик, музыкант из бара. Старик сочувствовал молча, а Марсик при случае подсаживался за столик к Диким и трепался якобы о музыке:

– Когда джазовый гитарист Джанго Рейнхардт приехал в

Америку, он встретил музыканта, который в то время единственный составлял ему конкуренцию. Только тому парню не так везло, играл он в самых затерянных барах. А еще у того парня была женщина, она была глухая. Ему нужно было обожание его игрой на гитаре, а она ничего не слышала. Он уходил к другим женщинам, они восхищались им, но он возвращался к глухой. Он издевался над ней, но в то же время любил её больше других женщин.

Дикий-старший морщился, не понимая, как это можно любить и издеваться.

– Такой это был противоречивый человек, – объяснял Марсик, – музыкант от Бога. Он любил музыку, свою гитару, а его любимая женщина была глухая. И еще этот цыган Рейнхардт постоянно на шаг впереди. Вот странная любовь к глухой и сгубила музыканта. Когда женщина исчезла, просто ушла куда-то насовсем, он не смог её найти и умер.

– Ты хороший парень, – говорил Дикий-старший Марсику, – тебе необходимо стать настоящим музыкантом. Увидеть мир, интересных людей. Лучше там среди них сгорать над своей идеей, чем задыхаться от наших зловоний здесь в кабаке. Может, тебе не хватает смелости обратиться отсюда? Или денег нет? Я дам.

– Хватает мне смелости, – вздыхал Марсик, – у меня идеи нет. А вот у тебя, я вижу, и смелость есть, и какая-то идея...

– Слышь, Марсик, – встревал Дикий-младший, – ты бы лучше шел народ развлекать. Сыграй чего-нибудь. А то все

уже заскучали.

– Нет, Марсик, – морщился Дикий-старший, – вот как раз смелости у меня маловато.

– А американский бард Эллиотт Смит, вообще, воткнул себе нож в сердце из-за любовных переживаний! – твердил Марсик, уходя. – Любовь – страшная штука.

Каждый день Дикий-старший искал встречи со Стрекозой. Он словно каким-то шестым чувством определял, где она. Если он её не находил, это можно было узнать по его убитому виду, словно его придавило горой. А однажды он подошел к Стрекозе с цветами и предложил:

– Будем вместе.

Стрекоза улыбнулась ему, словно тысячу лет ждала этого странного предложения, и сказала:

– Никогда не будем.

Этот отказ обошелся миру в груды бутылок мерзкого пойла и неизлечимой тоской, полившей из сердца Дикого. Он страдал, как ребенок. Его младший брат сам чуть ли слезами не умывался, глядя на такое дело. В конце концов, он решил поговорить со Стрекозой. Подошел к ней в баре, отозвал в сторону и без обиняков выложил всё, что думает:

– Слушай, Стрекоза, так больше продолжаться не может. Если тебе нравятся такие игры, то мне нет. Или ты живешь с моим братом, или я даю тебе денег, сколько тебе надо, и ты уезжаешь из города. Если нет, я костью лягу, чтобы это безобразие прекратилось. Не хочу тебе угрожать, но, знаешь,

ради брата я на всё способен.

– Я подумаю, – кивнула Стрекоза так, будто давно уже всё решила.

Сколько бы всё это продолжалось, не известно, если бы Стрекоза вдруг не сошлась с каким-то волосатым сияющим красавчиком. Этот парень с повадками жиголо появился в нашем городишке недавно, в поисках счастья он пробирался к большим городам на Запад.

Как-то Дикий-старший пришел в кабак и увидел Стрекозу и этого красавчика, который все время чему-то мечтательно улыбался так, словно знал, где лежат ключи от рая. Сияя, красавчик обнимал Стрекозу за талию. Дикий побледнел и вышел. Все, кто это видели и знали в чем дело, решили, что сейчас красавчику открутят голову.

Через несколько минут Дикий вернулся. Он подошел к Стрекозе и что-то ей подал. Та завизжала, заглушив музыку. Даже пьянчуги повскакивали, решив, что красавчик получил нож в живот. Однако всё было наоборот, это Дикий отрезал себе пол мизинец и отдал его Стрекозе со словами, мол, если она не хочет его всего и сразу, он будет отдавать ей себя по частям.

На следующий день прошла новость, что Стрекоза упаковывает вещи и собирается убраться из города. Дело было ясное – близилась развязка. Вряд ли влюбленный Дикий вот так просто отпустил бы её.

Парни сидели в баре и гадали, чем же всё закончится, пока

не прибежал Марсик.

– Я такого не видел даже в кино! – задыхаясь, торопливо рассказывал он. – Когда Стрекоза появилась на вокзале с чемоданами, тут же возник и Дикий-старший. Упрашивая её остаться, он умолял и угрожал. Никто и не представлял, что в таком грубом на вид мужике может быть столько страсти и нежности. Он произносил слова, от которых всем становилось не по себе. Клянусь, такое говорят раз в жизни! Мне даже показалось, что это уже за гранью обычных человеческих эмоций. Так перед смертью кричат Богу, чтобы он не оставлял тебя. Старик-шмотьевщик даже заплакал, слушая его. Честно скажу, я бы расплавился, как смола, если бы говорил то, что говорил он. Подошел поезд, и пока Стрекоза невозмутимо так, будто ничего не происходит, загружалась, Дикого держала охрана, стараясь уволочь подальше с перрона. Только поезд тронулся, как прибежал Дикий-младший. Он внёс новую сумятицу, и его брат, вырвавшись, побежал за поездом. Он бежал с такими дикими воплями, словно умирал на бегу, словно увозили всю его жизнь, все его надежды. А за ним, проклиная Стрекозу, бежал его брат. В этой погоне было столько трагичного, что никто не решился прервать эту нелепую беготню. Люди смотрели им вслед так, словно перед ними мелькнуло нечто сверхъестественное, о чем они и не догадывались. И чего им больше никогда не увидеть. Прошло минут десять, как поезд и братья исчезли, а люди так и стояли и смотрели в ту сторону, как в гигантскую дыру,

в которой безвозвратно исчезает всё, что происходит с нами. Я стоял дольше всех и понял, что если завтра не уберусь отсюда, то сойду с ума.

Марсик никуда не уехал. А из той троицы в городе никого больше не видели. Никто не знал, где Стрекоза и Дикие. Одни говорили, что Стрекоза и Дикий живут вместе, и уже нарожали пятерых. Другие убеждали, что он её пристрелил, застав где-то с другим, и сам застрелился. Третьи твердили, что Диких поймали на следующей станции, и они оба лежат в психушке, и оттуда им уже не выбраться. Конечно, приятнее верить в первое, чем в остальное. Но жизнь сложная штука, в ней всё может произойти. Одно известно точно, слёз здесь больше чем радости.

Я на завтрак, ты на обед

В нашем подъезде я был самым отъявленным негодяем. Мои соседи даже и не представляли, кто спует у них перед носом. Чистого коврика у порога и жизнерадостного «здравствуйте!» им хватало, чтобы думать – рядом живет такой же сговорчивый недотепа.

В пятницу днем я лежал на койке и глазел в потолок. Свои привычные грязные делишки я уже сделал: отписал пару гадостей в интернете, послал, кого успел, подальше, замел следы, не хватало чего-то новенького. Когда в дверь позвонили, я подумал, что у меня появился шанс.

На пороге стоял мужик с чемоданчиком. По виду и ноше мужика я сразу предположил в нем мастера по устранению разных технических неполадок.

– Прошу, входите, – предложил я. – У меня все время что-то ломается и протекает.

Мужик шагнул за порог и бодро прошел на кухню. Там он достал из чемодана скалку, тесто и стал раскатывать большие круги.

– Пельмени будем делать, – серьезно сообщил мужик.

– А что, без них никак? – поинтересовался я, полагая, что это отличный розыгрыш.

– Никак.

– А почему пельмени? Я, может, чебуреки больше люблю.

Мужик на мгновение замер и с удвоенной силой заработал скалкой:

– Хорошо, будут чебуреки.

– А фарш какой? Добавьте лука или зелень с сыром?

Мужик достал из чемодана тесак, и я понял, что дела мои плохи.

– Может, вареники с картошкой? – на всякий случай предложил я.

Мужик, не мигая, примерялся. В дверь опять позвонили.

– Откроем! – обрадовался я. – Наверное, пиццу принесли!

Я побежал к двери, мужик остался на кухне.

Открыв дверь, я увидел парня в таком же наряде.

– Ну, ёлки! – воскликнул я.

Парень прошел на кухню.

Сначала я решил смыться из дома. Но потом прикинул, что если это сделаю, то моя репутация негодяя будет подмочена. На кухне ошивались ребята покруче.

Я прислушался. Из кухни доносился обычный разговор домохозяйек: столько положить соли, столько приправы. Ничего опасного.

– Бог в помощь, – не выдержав, заглянул я.

Мужики горстями брали человечков из чемоданчиков, бросали в мясорубку и накручивали фарш. Зрелище было кошмарное, я решил, что тронулся умом.

– Будут тебе чебуреки, – подмигнул первый мужик.

Я как прилип к стене.

– Простые парни на завтрак идут, тех, кто получше, на обед подадут, – приговаривал второй мужик, заворачивая фарш в тесто.

– Если ты не в курсе, из всех готовят, – сказал первый. – Кого на завтрак, кого на обед. Ну а кем-то вообще по ходу дела перекусят.

– Какого дела? – прошептал я.

– Жизнь, приятель, большое общее дело.

Я никогда так серьезно не интересовался жизнью, полагая, что все крутится вокруг толстосумов, тузов и королей. А мне – только похохатывать, наблюдая, как они жируют и наслаждаются собой.

– Сейчас перекусишь и сам в расход пойдешь, – подмигнул первый и бросил в кипящее масло чебурек.

– Не надо, – я сполз по стенке.

Первый весело спросил:

– Что скис, амиго? Кто отличит еду от едока?

– Их разница не слишком велика! – поддержал второй. – Все здесь тленно – является едой и едоком одновременно.

Ноги не слушались меня.

– Ну-с, отобедаем на пороховой бочке с зажженным фитилем, – подмигнул жаривший мужик, выставляя миску дымящихся чебуреков.

– Чего? – не понимал я.

– Кушать подано, говорю.

Я лишь мотнул головой.

– Тогда сам готовь, – он бросил мне фартук.

Его напарник взял из миски чебурек и стал чавкать, пуская сок.

Тут я подпрыгнул, и ноги понесли меня к окну. Уже на подоконнике я почувствовал, как уменьшаюсь в росте. Кто-то подхватил меня за ногу.

– А-а-а! – завопил я, болтаясь вниз головой в огромном опасном пространстве. – Я согласен! На всё! Поджарю любого!

Ко мне вернулся прежний размер. Мужики нацепили на меня фартук, поставили передо мной чемоданчик, а сами ловко исчезли в его недрах.

Я приоткрыл чемодан и осторожно заглянул. Обнаружив, что смотрю сверху на наш городской бульвар и площадь, я судорожно сглотнул пересохшим горлом. По бульвару и вокруг фонтана на площади беспечно прогуливались люди. Ростом они были со спички и совсем рядом – как на дне большой корзины. Я протянул руку. Увидев ее, люди с криками стали разбегаться. Я невольно схватил толстенького человечка в пиджаке, но, почувствовав в руках его мягкую трепыхавшуюся плоть, выпустил и захлопнул крышку чемодана.

Роль великого кулинара мне не удавалась. Я бросился вон из кухни и, чувствуя, как уменьшаюсь с каждым шагом, завопил:

– Не ешьте меня! Мама! Помогите!

– Как же тебе помочь, дурачок, ты же убегаешь все вре-

мя, – услышал я чей-то добрый голос. – Иди сюда, ко мне.

Голос был за спиной. Я обернулся. И проснулся. Весь мокрый на влажной пожеванной подушке. Оказывается, я уснул, пока давил койку. Не успел я успокоить стучавшее сердце, как в дверь позвонили. Сердце заколотилось быстрее.

– Спокойно, – сказал я, – хозяин здесь кто? Я.

Бодро встал и вышел в прихожую. Открыл дверь. На пороге стояли двое.

– Ты хозяин? – спросил который постарше.

– Ну, – только и произнес я.

Мужики были суровы на вид, от них исходил ненавязчивый дух утреннего амбре. В руках они держали по чемоданчику.

– Протекает где-то у вас, – сказал который помоложе.

– Не может быть, – покачал я головой.

– Проверить бы надо.

– А что у вас в чемоданах? – спросил я.

– Инструменты.

– Ножи и топоры, – мрачно буркнул пожилой.

– Покажите, – потребовал я.

Пожилой даже не двинулся. А молодой открыл свой сундук и достал разводной ключ.

– Ну и что, – сказал я, – не пущу, сыт по горло.

– Чем? – удивился молодой.

– Всем.

– Соседей же снизу подтапливаете. Не понимаете разве?

Пожилой нахмурился. Молодой тоже посерьезнел:

– Значит, не пустите?

– Нет.

Пожилой молча пошел вниз по лестнице. Молодой посмотрел на меня, как на чучело огородное.

– Сами виноваты, – крикнул я, обращаясь к пожилому. – Что вам люди?! Заготовки для блюд житейского стола! Начинка не имеет значения! Всех на фарш! Вы, вообще, задумываетесь над тем, зачем жизнь забросила нас сюда? Чтоб давиться друг другом? Голова у вас на плечах на что? Водку лакать?

Пожилой остановился. Я подумал, что надо бы взять свои слова обратно, но вместо этого добавил:

– Жизнь надо понимать. Меняется жизнь! А вы не способны понимать. А надо понимать! Шевелить понималкой, понимаешь.

Пожилой развернулся и сурово посмотрел.

– Что? Не доходит смысл?! – крикнул я.

Пожилой двинулся в мою сторону.

– Михалыч, не надо, – отступая, боязливо проговорил молодой.

Я захлопнул дверь. С той стороны последовал удар.

– Дверь вынесу, – услышал я страшный голос.

– Михалыч, не надо.

От следующего удара затряслись стены.

– Мужики, стойте! Угломнитесь! Бес попутал! – испуган-

но запричитал я. – Да я же не в себе! Не проспался! Я такой же, как вы, с будунца. Давайте я вам налью! Поправлю вас. Простите бога ради!

– Открывай.

– Мир? – спросил я, приоткрыв дверь на дверную цепочку.

– Мир, – ласково сказал молодой. – Угощай.

Я их впустил, провел на кухню, налил рома. Молодой уважительно осмотрел брутальную бутылку Old Smuggler с пиратом на этикетке.

– Чем занимаешься? – спросил он.

– Пишу новости в интернете.

– На жизнь хватает?

– Хватает. Только разве это жизнь. Мерзость какая-то.

– Ты о чем?

– Все здесь тленно, является едой и едоком одновременно.

– Ты это серьезно?

Спрашивал молодой, старшой сидел как на собственных именинах, молча и торжественно.

– Кто отличит еду от едока? – обратился я к нему. – Их разница не слишком велика, да?

– Разница есть, – важно заметил тот.

– Съесть и еще поесть, ха-ха, – засмеялся молодой.

Я налил им по второй.

– Так, значит, есть разница?

Пожилой кивнул.

– В чем же?

– Голод. Он как кровь бежит по венам живых. Сытое брюхо к жизни глухо.

– Михалыч, я гляну на трубы?

– Валяй.

Я проводил молодого до ванной и вернулся.

– Не понял, – сказал я, – голод бежит по венам. Это как понять?

– Чего тут понимать. Будь голодным, – сказал Михалыч и, ритмично пристукнув по столу, добавил: – И веселым! И станет красиво.

– Михалыч, тут все в порядке, – весело крикнул из ванной молодой голос. – Надо выше смотреть.

Старший встал.

– Подождите. Так что там насчет того, чтобы быть голодным? С чего начать? Вы поймите меня правильно. Просто я не хочу пойти в расход ни на обед, ни на завтрак. А вас это не пугает?

– Нет.

– Думаете, вами не перекусят по ходу жизни?

– Не знаю. Пока я сам голоден, не посмеют. Хотя не уверен, не знаю. Мне все равно.

– Так-так, спасительный голод. Это интересно... А поподробнее?

– В следующий раз.

– Михалыч, ну ты скоро?

– Иду.

– Я с вами, – засуетился я.

– Куда?

– Пройдусь.

Мы поднялись этажом выше. Соседка-старушка узнала меня и сразу открыла.

– Что случилось? – затревожилась она.

– Где-то протекает, – ответил я.

Молодой напарник протопал в ванную.

– Михалыч, здесь! – крикнул он оттуда.

– Надолго?

– Время займет.

– Перекусить хотите? – засуетилась соседка. – Я как раз щи сварила с телятинкой.

Поймав ласковый взгляд мастера, соседка побежала накрывать стол.

– А голод? – спросил я.

– Да уж, кхм, рискуем, – покачал головой старшой, – но что поделать, после твоего рома аппетит прямо разыгрался.

– Дико хочется пожрать, – потирая руки, появился молодой напарник.

Подмигнул и исчез обратно в ванной. Только я собрался уходить, а соседка и говорит:

– А ты куда же, сосед? Уважь старушку, отведай стряпню. Я сама-то уже не едок.

Пока она накрывала на стол, молодой напарник закончил

стучать по трубам и присоединился к нам. Мы дружно сели за стол.

– Всё в порядке? – спросила соседка у молодого напарника.

– А как же, – подмигнул тот, – течь устранили.

– Сколько с меня? – засуетилась старушка.

– Да просто уважь нас, – добродушно махнул рукой молодой напарник.

Соседка ловко извлекла откуда-то из недр буфета графинчик и поставила на стол. Выпивая, я чуть запрокинул голову и увидел, как сверху появилась рука. Она схватила старушку за подол и утащила.

– Эй! – вскочил я. – Куда?!

Слесари как ни в чем не бывало махали ложками, отдуваясь от горячих щей. Молодой потянулся к рюмке.

– Еще по одной, и хорош, – строго сказал мастер.

– Михалыч, меру знаем, – улыбнулся молодой напарник.

Я стоял, очумело мотая головой.

– Это чего сейчас было?

– Отъела свое старушка, – усмехнулся мастер. – Сама обмолвилась.

– Вы это видели? Рука!

– Нога, рука, голова, дело не в этом, – вытирая губы, говорил пожилой мастер. – Слово не воробей...

– А кого не спасешь, того убей, – хохотнул молодой.

– В общем, за боталом следить надо. Чего тут непонятно-

го, – договорил старший.

– Как?!

– Каком как... Как сказал, так тебя и поняли.

– А соседка чего сказала?

– Чего тебе соседка далась? Ты лучше за собой следи, мелешь, бывает, без остановки. За мыслью, понятно, не всегда уследишь. А вот, прежде чем рот разевать, подумай.

Я передумал открывать рот, смотрел на мастера и хотел проснуться, потому что не верил в происходящее. Неужели за нами постоянно присматривают, подумал я. Потом услышал, как откуда-то сверху стукнули по трубам, и усмехнулся своим мыслям. Молодой напарник, как отражение в зеркале, усмехнулся вместе со мной, да так, как будто он уже лет тридцать следил за ходом моих мыслей. От его усмешки у меня прям озноб по телу пробежал. Я присел обратно.

– Ну что, Михалыч, пошли, пора, – встал молодой напарник.

Михалыч немного погрустнел. Ничего в ответ не сказал и тоже встал. И я хотел было встать, но понял, что в ногах имею странную слабость. Я только приоткрыл рот, чтоб сообщить об этом, но поймал взгляд молодого и промолчал.

Они так и ушли, больше ничего не сказав. А я еще долго сидел и смотрел на белые перышки на табуретке, где сидел молодой напарник мастера.

Предвкушение классики

После смерти родителей я научился жить, мало чего имея и желая, и уединился. Нашел подальше от города домик. Он стоял в глубине старого заброшенного сада за высоким давно не крашенным забором, доживая свой век, не нуждаясь в компании. О таком я мечтал давно и сразу заселился.

В свое жилище я притащил кресло-качалку, два пледа, кипу толстых книг и кое-какую утварь. В доме не было электричества, но имелся ящик стеариновых свечей. Я зажигал по одной на ночь и, поглядев с полчаса на пляшущее пламя, листая книгу, засыпал прямо в кресле под скрип полозьев.

Поселок был заброшенный. После того, как первые выстрелы с той стороны разрушили подстанцию, школу и сельсовет, люди съехали. Тем более им обещали, что взрывы могут повториться.

Раз в неделю я выбирал день и, когда приближалась пора зажигать свечку, брал ружье и уходил со двора. Осенний ветер приносил незнакомые запахи и гнул деревья, они тревожно шумели, словно о чем-то просили. Я принимался и прислушивался. В соседних домах никто не жил, они были заколочены. Люди давно перебрались в город, только в двух-трех домах вдалеке иногда горел свет, кто-то сторожил или, как я, скрывался от всех.

Отойдя подальше, я вставал спиной к ветру и стрелял в

темноту. Мне нравились безнаказанность и в то же время опасность моих действий. О том, что они опасны, давали знать крики людей вдалеке и лай собак. Но я делал только один выстрел и уходил, ни разу никого не встретив.

Охотничье ружье и коробку патронов я нашел на чердаке. Они лежали в чехле под ворохом полыни, иссохшей до желтизны, на старой, такого же цвета газете со значками компартии. Тот, кто припрятал оружие, явно был не простым охотником. В самом доме я нашел несколько орденов и медалей, одну из них, «За отвагу», я надевал, когда выходил с ружьем.

Перекрывая вой ветра, выстрел разрывал пространство и долгим эхом перекатывался через балку к горному кряжу. Не только возможная опасность или мнимая безнаказанность влекли меня, важнее была мысль, что я стреляю в темноту. Нанести ей хоть сколько-нибудь серьезную рану я не мог. Но и мириться с ней я уже не хотел.

Мне повезло, что нашел ружье. Я это понимал. Иначе пришлось бы просто плевать в темноту и ощущать бессилие. А так я мог стоять к ней лицом, презрительно улыбаться и стрелять в нее. Если бы у меня была не одна коробка патронов, я бы стрелял чаще. А так я рассчитал, патронов должно хватить до первого снега. Что потом – мне было все равно: мир сошел с ума, держаться за него не имело смысла.

Однажды я проснулся от жуткой сырости. Накануне, поздно вернувшись со своей дуэли, я неплотно закрыл дверь. И порыв ветра ее распахнул. Под утро пошел дождь, быстро

превратившийся в ливень. О стекла бились волны. У порога собралась огромная лужа, мусор по ее краям сбился во флотилию кораблей разной величины.

Скудную пищу и чай я готовил на улице, осторожно разжигая костер. Теперь, вынужденный довольствоваться сухарями, запас которых еще водился, я взял чистую кружку и выглянул, чтобы набрать дождевой воды – запивать сухари.

Под навесом напротив, где хранились дрова, я увидел рыжего пса, он тихонько скулил и дрожал от холода. На вид псу было чуть больше года. Я позвал его в дом. Пес понял приглашение, но следовать ему не поспешил.

Я набрал в кружку воды, спрятался под пледом в кресле и принялся грызть сухарь. Дверь так и осталась открытой, чтобы рыжий пес, если захочет, мог войти.

Он вошел осторожно, когда я размачивал второй сухарь. – Будешь сухари? – спросил я. – Другого ничего нет.

И не дождавшись ответа, бросил ему ржаную корку. Рыжий пес благодарно высунул язык и, улегшись, принялся за угощение. Дождь поливал два дня. За это время мы с рыжим псом уничтожили весь запас сухарей и привыкли друг к другу.

Хорошей особенностью моего жилища было то, что у него не протекала крыша, хотя это была очень древняя хибара. От воды земля вокруг дома вздулась и походила на черные гребни мрачного океана, в пучине которого гибнет живое. У меня даже возникло желание зарядить ружье и выстрелить

в жирную клейкую массу. Остановила мысль, что я испугаю своего рыжего товарища, он не поймет и убежит.

По вечерам, зажигая свечу, я рассказывал псу об ангелах, охранявших наш покой, как они опускаются на заснеженные с утра вершины холмов за деревней и обдумывают наши судьбы. Рыжий пес слушал внимательно и не сводил с меня грустных глаз. Когда я просыпался, он уже был на лапах и лакал воду из лужи у порога.

Дождь закончился так же внезапно, как и начался. Вернее, надо полагать, не закончился, а взял передышку. Это было видно по серому зловещему небосводу, висевшему низко-низко, как теряющий опору потолок.

Нужно было раздобыть продуктов, и я решил обшарить несколько соседних домов. Благо у меня появился помощник. Я поручил рыжему псу подавать сигнал, если заметит что-либо подозрительное, а сам принялся добывать трофеи. К исходу вечера мы натаскали столько провианта, что можно пережить дождь несколько недель. В основном это были остатки круп и консервы.

К ночи дождь так и не начался. Тогда я взял ружье, зарядил и вышел со двора. Рыжий пес увязался следом. Я не стал его прогонять, а объяснил, куда идем:

– Это будет похоже на охоту. Только нам в любом случае не удастся никого подстрелить. Да это, знаешь ли, и не главное. Просто у каждого свои счеты с темнотой. Я хочу отдать ей должок за нашу жизнь. По выстрелу за каждый год с нача-

ла военных действий. Конечно, глупо в такой ситуации тратить патроны. Но я не собираюсь кого-то лишать жизни.

Пес внимательно слушал и шел рядом. Несколько раз я поскользнулся и чуть не падал. Кругом было тихо и сыро, лишь на краю темного неба сверкала зарница.

Наконец, выбрав место, я выждал паузу и разрядил ружье так, словно это могло что-то изменить в мире. Грохот моего выстрела слился с громом. В небе полыхнула молния, потом еще одна и с неба обрушился целый шквал воды, будто я сделал там огромную дырку.

Рыжий пес даже не тьякнул и не вздрогнул, и, если бы не он, я бы вряд ли нашел дорогу домой. Вслед за ним я пробирался сквозь буйство стихии, иногда припадая на четыре конечности. Однако я ликовал. Наверное, потому что рядом был друг, и еще казалось, что я все-таки достал эту чертову темноту. Из ее раны хлынула ее темная кровь.

– Ха-ха-ха! – смеялся я. – Ха-ха-ха! Я все-таки тебя достал! Достал!

Мы вползли домой мокрые и грязные, кое-как обтерлись и вскоре закатали настоящий пир из рыбных консервов. После сытного ужина я уснул в кресле как убитый.

Пробудился я от неистового лая, открыл глаза и увидел человека. Он держал ружье, наведенное прямо на меня, и хмурился, словно не понимая чего-то важного. Одет человек был, как североамериканский рейнджер с Дикого Запада, на ногах добротные высокие башмаки из хорошей кожи.

С моим ружьем в руках он походил на зверобоя, который несколько дней кочевал по лесам и полям в поисках добычи. Он явно был с той стороны и пришел чем-нибудь поживиться.

– Ты кто? – спросил он.

Хотя в глазах у него не было никакого интереса. Глаза были пустые и холодные, как серое небо, в которое я стрелял.

Рыжий пес лаял на улице, прыгая на закрытую дверь. Дождь уныло поливал окна.

– Как же так получилось? – вслух подумал я.

– Кто ты такой? – повторил вопрос человек и угрожающе повел ружьем.

– Это мое ружье и мой дом, – я вдруг осознал, что не боюсь. – Что тебе надо? Ружье? Оно мне и самому пригодится.

Выстрел оглушил меня, оторвал мочку уха и опрокинул на пол вместе с креслом. Рыжий пес замолчал. Хотя, скорее всего, я перестал слышать.

Человек что-то проговорил и нацелил ружье мне в голову.

– Ты не сможешь меня убить, – говорил я, не слыша своего голоса. – Это никому не под силу. Ты не понимаешь, о чем я говорю? И не поймешь. Потому что тебя послала темнота, и она тебя обманула. Ты стреляешь в меня, а убиваешь себя. Это классика, дядя. Я бессмертен.

Он ничего не понимал и пытался засунуть ствол мне в рот. Меня уже разбирал смех. Внутреннее необъяснимое ликование наполняло сумасшедшей радостью и восторгом. Про-

исходящее казалось прологом чего-то грандиозного, самого значимого в жизни. Перед собой я видел не злодея, а гонца, который неуклюже докладывал, что всё готово и великолепие долгожданного действия скоро начнется. Блудные дети вот-вот вспомнят дорогу домой, возлюбят ближних, и к ним вернется мир.

Захлебываясь хохотом, я ерзал по полу. Избавив мой кривлявшийся рот от нескольких передних зубов, незванный гость ударил прикладом в солнечное сплетение. От боли я потерял сознание.

Когда я пришел в себя, то долго не мог понять, что же происходит. Тишина и боль. Обломки кресла и перемазанный кровью пол вернули в памяти зверобоя в отличных кожаных башмаках. С трудом я поднялся, зажег свечу и осмотрел жилище.

Зверобой ушел, забрал ружье и консервы. Нигде не было и рыжего пса. За окнами темно, беззвучно накрапывал дождь, изредка скатываясь по стеклу большими каплями. Я глядел в темноту и не хотел верить, что проиграл, один, обезоружен и следующий шаг должен сделать, снова покоровшись темноте, ее безграничной силе.

И вдруг, словно теплая морская волна, на меня накатило ощущение жизни. Прежнее предчувствие чистого будущего, предчувствие бессмертия и вечности, которое отличает живого от мертвеца. У меня даже перехватило дыхание, я точно захлебывался теплой волной. Чувствовал ее солоноватый

морской вкус на губах и в горле. Прихрамывая, я вышел на порог и судорожно глотнул свежего воздуха. Немного закружилась голова, потом зазвенело в целом ухе, и сразу где-то рядом я услышал знакомый лай.